

18+

ВАЛЕНТИН

КРАСНОГОРОВ

Комедии для 10 и более актеров. Ч. 2

СОБРАНИЕ КОМЕДИЙ
В 7 КНИГАХ. Кн. 7

Валентин Красногоров

**Комедии для 10 и более
актеров. Ч. 2. СОБРАНИЕ
КОМЕДИЙ В 7 КНИГАХ. Кн. 7**

«Издательские решения»

Красногоров В.

Комедии для 10 и более актеров. Ч. 2. СОБРАНИЕ КОМЕДИЙ
В 7 КНИГАХ. Кн. 7 / В. Красногоров — «Издательские
решения»,

ISBN 978-5-00-536538-5

Книга содержит 6 комедий Валентина Красногорова. Его пьесы успехом
исполняются в театрах, многие переведены на иностранные языки. Каждой
пьесе предпосланы краткая аннотация, отзывы и выдержки из рецензий.

ISBN 978-5-00-536538-5

© Красногоров В.
© Издательские решения

Содержание

Об авторе	6
Лебединая песня	7
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Комедии для 10 и более актеров. Ч. 2 СОБРАНИЕ КОМЕДИЙ В 7 КНИГАХ. Кн. 7

ВАЛЕНТИН КРАСНОГОРОВ

© ВАЛЕНТИН КРАСНОГОРОВ, 2021

ISBN 978-5-0053-6538-5 (т. 7)

ISBN 978-5-0053-6015-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Об авторе

Имя Валентина Красногорова хорошо известно любителям театра России и многих зарубежных стран. Его пьесы «Комната невесты», «Собака», «Рыцарские страсти», «Прелести измены», «Любовь до потери памяти», «У каждого своя звезда», «Сегодня или никогда», «Давай займемся сексом!», «Свидания по средам», «Его донжуанский список», «Жестокий урок», «Легкое знакомство», «Три красавицы» и другие, поставленные более чем в 400 театрах, тепло встречены критикой и зрителями. Постановки более чем в 700 любительских театрах свидетельствуют о большой популярности драматурга. Книга писателя «Четыре стены и одна страсть» о сущности драмы как рода литературы заслужила высокую оценку деятелей театра. Над постановками его пьес работали такие выдающиеся режиссеры, как Георгий Товстоногов, Лев Додин, Роман Виктюк.

Валентин Красногоров – доктор технических наук, автор монографий и статей по своей специальности. И если при этом он занимается драматургией, то это свидетельствует о том, что ему есть что сказать своими пьесами. С равным мастерством он создает многоактные и одноактные пьесы самых разных жанров – комедии, драмы, трагедии. Напряжение и конфликты его пьес разрешаются посредством живого диалога и стремительного действия. Автор использует парадоксальные ситуации и необычные сюжеты, чтобы вовлечь читателей и зрителей в миры, созданные его воображением. Острая сатира, тонкое чувство юмора, гротеск, абсурд, лиризм, глубокое проникновение в человеческую натуру – вот главные черты произведений Красногорова.

Пьесы драматурга прочно удерживаются в репертуаре театров, выдерживая сотни представлений. Критики отмечают, что «пьесы Красногорова легко пересекают границы» и что они «принадлежат к лучшим современным пьесам». Многие из них переведены на иностранные языки, поставлены в театрах, на радио и по телевидению различных стран (Австралии, Албании, Англии, Болгарии, Германии, Индии, Кипра, Монголии, Польши, Румынии, Словакии, США, Турции, Финляндии, Черногории, Чехии), получили призы на зарубежных театральных фестивалях, в том числе «Приз за лучшую драматургию» и «Приз зрителей». Красногоров выступает также как прозаик и публицист, автор статей о театре и драматургии, повестей, рассказов и эссе, опубликованных в различных изданиях.

Валентин Красногоров – член Союза писателей и Союза театральных деятелей России, лауреат премии им. А. Володина. Им основана Гильдия драматургов Петербурга. Один из основателей Гильдии драматургов России. Его биография включена в престижные справочники мира: «Who's Who in the World» (США), «International Who's Who in the Intellectuals» (Англия, Кембридж) и др.

Лебединая песня

Пьеса в двух действиях

Аннотация

Синтез мелодрамы и иронической парадоксальной комедии. В пьесе развиваются две линии действия. Главным действующим лицом одной из них является режиссер, ищущий выход из творческого кризиса. Ведущая героиня в другой линии действия – известная артистка, переживающая свою последнюю любовь. Герои пьесы находятся в том периоде жизни, когда наступает пора подведения итогов. Несмотря на грустный финал, пьеса смешна и театральна. Она содержит десяток «сольных» ролей для актрис всех возрастов и амплуа. *2 мужских роли, 10 женских, интерьер. Главным героям пьесы (двое мужчин и одна женщина) примерно по 55—60 лет, остальные женские персонажи имеют возраст от 25 до 55 лет. При необходимости, одна актриса может играть несколько ролей.*

Действующие лица

РОМАН
ВИКТОР
АННА
ИРИНА
ДАМА
Женщины*:
«СТЫДЛИВАЯ»
«СМЕЛАЯ»
«ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ»
«ЗРЕЛАЯ»
«НЕУКЛЮЖАЯ»
«БЕЗ ВООБРАЖЕНИЯ»
«ПОСЛЕДНЯЯ»

***Примечание:** Приведенные эпитеты даны этим семи женщинам условно, для удобства их различения при работе над спектаклем. Они перечислены в порядке их появления на сцене. При необходимости, их роли могут быть сыграны двумя-тремя актрисами.

Примерный возраст основных персонажей: Роману и Виктору 60- 65 лет, Анне около 55. Дама – персонаж без слов.

Предисловие автора

Эта странная пьеса как бы сплетена из двух разнородных пьес: первая – абсурдно-парадоксальная бессюжетная комедия, цепь «концертных» номеров с семью женскими ролями; вторая – драма личных отношений между тремя уже немолодыми творческими людьми.

Этот синтез парадоксальной комедии с трогательной мелодрамой нестандартен и непривычен (хотя оба жанра любимы публикой), но не всегда строго «правильная» пьеса лучше «неправильной». Одних постановщиков такой жанр может отпугнуть, других, напротив, привлечь, тем более что она позволяет занять в ролях десяток артисток разных возрастов и амплуа, а также ведущих актеров старшего возраста.

И еще: это пьеса не про театр. (Я вообще не понимаю, что значат выражения типа «пьеса про театр» или «пьеса про железнодорожников»). Быть может, это пьеса про людей, сжигаю-

щих себя в огне творчества; но она никак не претендует на то, чтобы быть реальной пьесой о закулисной жизни театра. Такие пьесы пишутся в другом жанре.

Два слова о языке «Лебединой песни». Мне хотелось вернуть диалогу интеллектуальность, забытую современной драмой. В какой мере это удалось – судить зрителю.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Картина первая

Довольно большая комната, в которой без всякой видимой системы расставлено кое-что из мебели: табуретка, одна или две длинных скамьи, кушетка, кресло, два-три стула. Все старое, потертое, неряшливое. Назначение этой комнаты станет понятно позднее.

За небольшим столиком сидит РОМАН. Ему за шестьдесят. Чувствуется, что он сильно утомлен. Его манера разговора иронична и сдержана, что не мешает временами проявляться всплескам его взрывчатого темперамента.

Входит Женицина, весьма стеснительная и стыдливая.

РОМАН. Раздевайтесь.

Женицина снимает жакет.

Разденьтесь совсем.

СТЫДЛИВАЯ ЖЕНЩИНА. Совсем?

РОМАН. Серьги можете оставить. *(И, так как Женицина колеблется, продолжает.)* Ну?

Что же вы? Раздевайтесь!

СТЫДЛИВАЯ. Прямо сейчас?

РОМАН. Не обязательно прямо, но сейчас.

СТЫДЛИВАЯ. Прямо здесь?

РОМАН. Не обязательно прямо, но здесь.

СТЫДЛИВАЯ. Перед вами?

РОМАН. Вы хотите раздеться перед кем-нибудь другим? Я могу позвать сюда пожарника.

СТЫДЛИВАЯ. Не надо. Я и так стесняюсь.

РОМАН. Чего вы стесняетесь?

СТЫДЛИВАЯ. Я... я все-таки женщина.

РОМАН. Так убедите меня в этом.

СТЫДЛИВАЯ. Признаться, я не этого ожидала.

РОМАН. Тем более приятно доставить вам такой сюрприз.

СТЫДЛИВАЯ. *(Помявшись.)* А для чего вам нужно, чтобы я разделась?

РОМАН. Чтобы увидеть вашу душу. Ну?

СТЫДЛИВАЯ. Мне кажется, что вы все-таки хотите увидеть не душу, а тело.

РОМАН. И потому стыдитесь?

СТЫДЛИВАЯ. Да.

РОМАН. Вам стыдно открыть тело, но не стыдно было бы открыть душу?

СТЫДЛИВАЯ. Да.

РОМАН. Но почему?

СТЫДЛИВАЯ. Не знаю. Наверное, потому, что так принято.

РОМАН. Но ведь части тела у всех людей одни и те же, и никакой тайны в этом нет. А души так разнообразны, так интересны, так темны, так загадочны, что мы не можем понять даже самих себя.

СТЫДЛИВАЯ. Так почему бы вам не поинтересоваться моей душой без раздевания?

РОМАН. Душа не может высказаться словами. Все ее движения выражаются только телом. Жест рукой, взмах ресниц, ссутуленные плечи, скорбно опущенные углы губ, улыбка,

кивок, заплетающаяся походка, призывное покачивание бедер, дрожащие ладони – неужели это проявления тела, а не души?

СТЫДЛИВАЯ. Право, не знаю... *(Нерешительно расстегивает одну или две пуговицы и останавливается.)*

РОМАН. Вам помочь?

СТЫДЛИВАЯ. Я сама! Не притрагивайтесь ко мне!

РОМАН. Я и не собирался.

СТЫДЛИВАЯ. Как же вы хотели мне помочь?

РОМАН. Морально. Я могу вас научить, как раздеваться без всякого стеснения.

СТЫДЛИВАЯ. Это как?

РОМАН. Представьте, что вы – это не вы.

СТЫДЛИВАЯ. Как это я – не я?

РОМАН. Представьте, например, что вы – Клеопатра.

СТЫДЛИВАЯ. И что?

РОМАН. Тогда будет раздеваться Клеопатра, а не вы. Понимаете?

СТЫДЛИВАЯ. Понимаю. А вы кто?

РОМАН. А я – Антоний.

СТЫДЛИВАЯ. Извините, но вы не совсем тянете на Антония.

РОМАН. А вы представьте.

СТЫДЛИВАЯ. Я представляю. Но вы не тянете.

РОМАН. Думаете, вы тянете на Клеопатру?

СТЫДЛИВАЯ. Зачем же меня оскорблять?

РОМАН. Поверьте, я вас глубоко уважаю. Приступайте. И чем скорее вы разденетесь, тем больше будете похожи на Клеопатру.

СТЫДЛИВАЯ нерешительно снимает кофту.

СТЫДЛИВАЯ. А Антоний так и будет сидеть одетым?

РОМАН. Вам это мешает?

СТЫДЛИВАЯ. Раздеваться вдвоем, это как-то нормально. А когда один снимает одежду, а другой сидит при полном параде и смотрит, это как-то... Причем, извините, смотрит без огня.

РОМАН. А вы раздевайтесь так, чтобы и он захотел раздеться.

СТЫДЛИВАЯ. Кто «он»?

РОМАН. Антоний. И чтобы у него был огонь в глазах.

СТЫДЛИВАЯ. Наоборот: Антоний должен смотреть так, чтоб я захотела раздеться.

РОМАН. Если они так и будут препираться, кто первый начнет, дело у них не продвинется. Кто-то должен проявить инициативу.

СТЫДЛИВАЯ. Но не я же.

РОМАН. Почему?

СТЫДЛИВАЯ. Потому что я женщина. А инициативу должен проявлять мужчина.

РОМАН. Устарелое и ошибочное мнение. Инициативу чаще проявляет женщина. Вам не кажется, что вы слишком зажаты?

СТЫДЛИВАЯ. Для себя я даже слишком раскованна.

РОМАН. Спасибо, и до свидания.

СТЫДЛИВАЯ. Что – на этом все?!

РОМАН. Все. Не смею больше задерживать.

СТЫДЛИВАЯ. Но я готова раздеться!

РОМАН. Благодарю, все надо делать вовремя. *(Выпровождает Женщину к выходу.)*

Стыдливая Женщина уходит. Роман смотрит в тетрадь, лежащую перед ним на столе. Входит другая Женщина- «Смелая».

РОМАН. Раздевайтесь.

ЖЕНЩИНА мгновенно скидывает платье.

СМЕЛАЯ ЖЕНЩИНА. (*Оглядываясь.*) А куда ложиться?

РОМАН. Разве я просил вас лечь?

СМЕЛАЯ. Но ведь попросите.

РОМАН. У вас богатый опыт. Или пламенный темперамент.

СМЕЛАЯ. Попросите, я же знаю.

РОМАН. Вы меня переоцениваете.

СМЕЛАЯ. А зачем же тогда я раздевалась?

РОМАН. Это вопрос риторический или он обращен ко мне?

СМЕЛАЯ. (*Сбитая с толку.*) Я вас не совсем понимаю.

РОМАН. Сядьте, побеседуем. (*Протягивает ей плед.*) Возьмите плед.

СМЕЛАЯ. Зачем?

РОМАН. Прикройтесь. Представьте, что вам холодно.

СМЕЛАЯ прижимается к *РОМАНУ*.

Что вы делаете?

СМЕЛАЯ. Вы же просили представить, что мне холодно.

РОМАН. Поймите, вы уже двенадцатая женщина, которая сегодня раздевается передо мной. Неужели вы думаете, что у меня есть интерес, время, силы и желание заниматься с вами тем, чем вам хотелось бы со мной заниматься? Здесь официальное учреждение, и мне не хотелось бы бросать тень на его репутацию. Одевайтесь!

СМЕЛАЯ. (*Одеваясь.*) Вы бы сразу бы сказали бы, что не хотите, и я бы тогда бы не стала бы, а то сами хотели, чтобы...

РОМАН. Тихо! Вы бы должны бы вести бы себя прилично и делать бы то, что вам говорят, понятно?

СМЕЛАЯ. Понятно.

РОМАН. Оделись?

СМЕЛАЯ. Оделась.

РОМАН. Тогда начнем все с начала. Раздевайтесь.

СМЕЛАЯ. Извините, но вы какой-то ненормальный. Я ведь уже была раздетой.

РОМАН. В раздевании для меня важен не результат, а процесс. Раздевайтесь так, чтобы мне было интересно.

СМЕЛАЯ. А разве я раздеваюсь неинтересно?

РОМАН. Как вам сказать...

СМЕЛАЯ. По-моему, интерес зависит от того, что мужчина видит в результате. Если не интересен результат, то теряет смысл и процесс.

РОМАН. Нестандартная мысль.

СМЕЛАЯ. (*С вызовом.*) Но главное, от того, способен ли еще мужчина интересоваться.

РОМАН. Дорогая, я не расположен сейчас доказывать, на что я способен или неспособен. Давайте лучше выясним, на что способны вы. Что вы хотите мне показать?

СМЕЛАЯ. Как что? Себя. Вы же просили.

РОМАН. Я просил вас раздеться. Но раздеваться можно по-разному, понимаете: призывно, безнадежно, провокационно, стремительно, или, напротив, медленно и стыдливо.

СМЕЛАЯ. «Стыдливо» – это как?

РОМАН. Мне трудно это объяснить. Особенно вам.

СМЕЛАЯ. Я лучше стремительно. Можно?

РОМАН. Не надо. Вы мне уже это продемонстрировали. Попробуйте, скажем, кокетливо.

СМЕЛАЯ. Кокетливо? Ну хорошо. (*Поворачивается к Роману спиной. Извивым голосом.*) Помогите, пожалуйста, расстегнуть пуговицы на платье.

РОМАН. (*Одобрительно.*) Так, неплохо. (*Расстегивает пуговицы.*)

Женщина мгновенно скидывает платье.

(Разочарованно.) И все?

СМЕЛАЯ. Да. А что?

РОМАН. Ничего-ничего. Спасибо. Оденьтесь, пожалуйста. И если можно, с той же скоростью, с которой вы раздевались. Приятно было с вами познакомиться. Выход через ту дверь.

СМЕЛАЯ. *(Накидывая платье.)* Я не пойму, вы маньяк, что ли?

РОМАН. Вы недалеко от истины.

СМЕЛАЯ ЖЕНЩИНА, весьма недовольная, уходит. Роман делает запись в своей тетради. Входит молодая ЖЕНЩИНА, совершенно голая. Назовем ее «Интеллектуальной». В руках у нее узелок с одеждой.

РОМАН. *(Продолжая писать.)* Разденьтесь.

Пауза.

Разденьтесь.

Пауза. Роман поднимает голову и видит, что вошедшая женщина уже нагая.

Почему вы голая?

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ЖЕНЩИНА. А как вы думаете?

РОМАН. Для экономии времени.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ. Нет. Мне не хотелось, чтобы у вас создалось ложное впечатление, что я намерена подчиняться вашим бесцеремонным приказам, и я решила продемонстрировать, что разделась по своей воле.

РОМАН. *(Почувствовав характер пришедшей женщины, с едва заметной иронией сразу подстраивается под стиль и тон ее речи.)* Что же, человек изначально наделен свыше свободой воли. Так, кажется, рассуждал еще Фома Аквинский.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ. Нет, это девятью веками ранее доказал блаженный Августин. Кроме того, я разделась из чувства приличия и чтобы избежать непристойных предложений с вашей стороны.

РОМАН. Вы считаете, что входить женщине в таком виде – это прилично?

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ. Разумеется. Вы же не сможете мне теперь сказать «Раздевайтесь». Вы будете вынуждены сказать «Одевайтесь». Снимать-то мне уже нечего.

РОМАН. Это интересный ход. Вы мне понравились. Оденьтесь.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ. Если бы я вам действительно понравилась, вы бы не произнесли последнего слова.

РОМАН. Я ценю вашу оригинальность и интеллект. Вы заставили меня задуматься.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ. Над чем?

РОМАН. Вы решили избежать процедуры раздевания, которая вам кажется несколько унижительной. Но, может быть, раздеваться менее стыдно, чем одеваться? Ведь раздеваться – это обещать, дразнить, вызывать любопытство, ставить перед неизвестностью, провоцировать желание, пробуждать ожидание чего-то нового, это снятие покрова с запретного плода, дарование надежды, волнующей и сладкой. А что такое одеваться? Это поиски крючков на лифчике, опущенные глаза, это сожаление, попытка скрыть если не разочарование, то, во всяком случае, усталость, это брошенный украдкой взгляд на часы. Глаз насытившегося мужчины начинает видеть в женщине все недостатки ее тела и дефекты ее белья, ее худобу и полноту, ее морщинки и родимые пятна. И то, что только что пленяло и очаровывало, волновало кровь и возбуждало нетерпение, теперь оставляет равнодушным или даже раздражает. Это подобно уже просмотренному видеофильму, который вы теперь прокручиваете назад, с досадой ожидая, когда кончится перемотка. Вот почему женщина раздевается всегда при нас, а одеваться уходит куда-нибудь в ванную или за ширму. И правильно делает. Женщина вообще всегда поступает правильно, если руководствуется своей интуицией.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ. Вы нагнали на меня такую тоску, что у меня пропала всякая охота одеваться. Тем более, когда вы смотрите. Это просто бестактно.

РОМАН. Хорошо, я обещаю отвернуться, хотя не скрою, что смотреть на вас приятно.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ. Тогда смотрите лучше, пока я без одежды. Кстати, нельзя ли объяснить, почему вы швыряете женщинам просьбу раздеться в таком, извините за каламбур, неприкрытом виде? Почему бы не сделать это в более мягкой форме? Тогда бы и вам было легче добиться своей цели.

РОМАН. Поясните, пожалуйста, вашу интересную мысль.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ. Одно и то же намерение в зависимости от его словесной одежды, интонации и других нюансов, выглядит или грубой пошлостью или учтивым проявлением интереса. Например, если мужчине понравилась женщина, и он приглашает ее выпить где-нибудь с ним чашку кофе, она прекрасно понимает, что на самом деле он предлагает ей заняться сексом. Однако ее это не оскорбляет, потому что мужчина использовал завуалированные, но общепринятые и понятные нормы поведения и формулы речи. И если женщина склонна согласиться, то ей гораздо удобнее принять приглашение, когда оно сформулировано в пристойных выражениях. «Кофе? – С удовольствием!»

РОМАН. Ваша тонкая мысль, безусловно, верна. Если бы моей целью было увидеть женщину обнаженной, этого, действительно, следовало бы добиваться не грубым приказом, но лаской, лестью и убеждением, как обычно и поступают воспитанные мужчины. Но что если моя истинная цель – повергнуть ее в шок и посмотреть на ее реакцию?

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ. Каковы бы ни были ваши цели, столь откровенная команда свидетельствует о недостатке уважения к женщине и потому уязвима с точки зрения нравственности, которая единственно и должна служить критерием всех наших поступков. Неужели вам это не приходило в голову?

РОМАН. Вы опять правы, и ваше замечание заставит меня задуматься над этической стороной моей просьбы, которая ставит женщину в столь затруднительное положение. Однако, может быть, реакция на это возможное унижение, о котором вы упомянули, поможет ей снять тяготеющие над ней комплексы, пробудит в ней ее дремлющие первобытные инстинкты, короче, пробудит в ней женщину? Ведь согласитесь, что современная жизнь, с ее темпом, напряжением, перегрузкой, с ее бременем служебных и домашних забот заставляет женщину забыть о том, что она женщина, что крайне отрицательно сказывается на ее душевном состоянии.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ. *(Она все еще не спешит одеваться.)* Наша дискуссия мне кажется весьма плодотворной.

РОМАН. Несомненно. А пока, к сожалению, позвольте с вами расстаться, потому что ко мне, кажется, идет следующая посетительница. Я надеюсь в скором времени пригласить вас на чашечку кофе и продолжить эту занимательную беседу.

Входит Анна – женщина уже не первой молодости, но привлекательная и эффектно одетая. Роман, не взглянув на нее, отдает привычную команду.

РОМАН. Раздевайтесь.

АННА. Спасибо за лестное предложение, дорогой, выраженное хоть и в иносказательной, но очень изысканной форме.

РОМАН. А, это ты, Анна. Извини. Рад тебя видеть.

Они целуются привычным коротким поцелуем старых друзей.

АННА. Осторожно, Роман, не запачкайся. Я в гриме.

РОМАН. Хорошо, что ты заглянула. Мне нужно с тобой поговорить.

АННА. Сначала отпусти эту легко одетую девушку, а то она замерзнет. Я вам не мешала?

РОМАН. Нет, мы уже закончили. Садись, попьем чаю, поболтаем.

АННА. Тебе же некогда. За дверями в длинной очереди толпятся женщины, и все они жаждут тебя.

РОМАН. Когда ты рядом, другие женщины для меня не существуют.

АННА. А когда меня нет?

РОМАН. В мыслях ты всегда со мной.

АННА. Ты говоришь мне комплименты – значит, тебе от меня что-то нужно.

РОМАН. Ты несправедлива. Я всегда тебе говорю комплименты. А нужна ты мне сама.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ. *(Она все еще обнажена. Анне, пораженная.)* Неужели это вы?!

АННА. Не могу отрицать. Я – это я.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ. Кто бы мог подумать? Или мне это снится?

АННА. Можете меня потрогать.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ. *(Протягивая Анне свой бюстгальтер.)* Вы не откажетесь дать мне автограф?

АННА. Ну, если вам так хочется... *(Расписывается на бюстгальтере.)*

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ. Спасибо. И я, и все мои коллеги по университету до сих пор с восторгом вспоминаем вашу несравненную Федру. Как вы божественно играли! *(Вдохновенно декламирует, сопровождая чтение взмахами руки, не выпускающей «автограф».)*

Скромна, стыдлива я, и бог тому свидетель.

Лишь скромность красит женщину, лишь добродетель!

Не правда ли, великолепно? Сам Расин был бы от вас в восхищении.

АННА. Вы очень добры.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ. Как мне повезло! Никто не поверит, что я видела знаменитую артистку так близко.

АННА. К тому же, вас видел и знаменитый режиссер. И тоже очень близко. Ближе, чем меня.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ. *(Роману.)* Я могу идти?

РОМАН. Конечно. *(Зовет.)* Ирина!

ИРИНА. *(Входя.)* Да, Роман Анатольевич?

РОМАН. Ирина, соорудите, пожалуйста, чай.

ИРИНА. Хорошо.

РОМАН. Почему я не слышу отсюда сцену? Микрофоны отключены, что ли?

ИРИНА. Я проверю.

РОМАН. Возьмите у этой очаровательной девушки ее адрес и телефон. Возможно, мы ее еще вызовем. И скажите там остальным женщинам, что прием на сегодня прекращен.

ИРИНА. Как «прекращен»? Вы же сами назначили им время.

РОМАН. *(Тонем, не допускающим возражений.)* Вы видите – я занят.

ИРИНА. Извините. *(Женищине.)* Пойдемте.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ. До свидания. *(Направляется с Ириной к выходу.)*

РОМАН. Не забудьте захватить с собой вашу одежду.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ЖЕНЩИНА и ИРИНА выходят.

АННА. Что, собственно, тебе нужно от этих женщин?

РОМАН. Как раз об этом я и собираюсь с тобой поговорить. Как идет сегодня спектакль?

АННА. Тяжело. Никак не расшевелить зал.

РОМАН. Не скромничай. Даже сюда доносились и смех, и аплодисменты.

АННА. Все равно, тяжело.

РОМАН. Устала?

АННА. Устала, но не от спектакля. От какой-то беспрестанной и бессмысленной суеты. От стремления к какой-то другой жизни – не знаю, какой. От размышлений о своем возрасте.

РОМАН. Не кокетничай и забудь о своем возрасте. Ты прекрасно знаешь, что по-прежнему можешь свести любого мужчину с ума, и что энергии в тебе хватит на пятерых.

АННА. Спасибо еще за один комплимент.

РОМАН. (*Внимательно посмотрев на Анну.*) Нет, ты явно не в духе. Случилось что-нибудь?

АННА. Нет. Все, как всегда. Просто что-то не так, понимаешь? Слишком много мы думаем о том, что вовне нас, и не задумываемся о том, что внутри. Все некогда. А когда задумаешься...

ИРИНА вносит маленький поднос с чаем и молча выходит.

РОМАН. Не хандри. Вот, выпьем чайку, и ты повеселеешь. (*Разливает чай.*) Может, добавить в него коньячку?

АННА. (*Стряхнув задумчивость.*) Нет, мне ведь надо еще доигрывать спектакль.

РОМАН. Ну, а я выпью чуток. (*Наливает себе коньяк.*)

АННА. Знаешь, плесни и мне немножко.

Они чокаются и пьют.

РОМАН. Ну что, стало легче на душе?

АННА. Пожалуй. Так что тебе от меня нужно?

РОМАН. Мне? Ничего. Но проклятому спонсору нужно, чтобы в спектакле участвовали звезды. Иначе он не даст денег.

АННА. И ты хочешь, чтобы одной из этих звезд была я.

РОМАН. Единственной звездой. «Ты у меня одна заветная, другой не будет никогда.»

АННА. Перестань. Что за пьесу тебе навязывают?

РОМАН. Смесь детектива с клубничкой. В публичном доме убивают одну из девушек. Подозревают всех: бармена, вышибалу, клиентов, других девушек... Честно говоря, полная муть, но нам, как ты знаешь, нужна касса. В театре нет денег.

АННА. И ты согласился такое ставить?

РОМАН. А что? «Не продается вдохновение, но можно рукопись продать». Спонсор обещал хорошо заплатить. И театру, и нам с тобой лично.

АННА. Ты опускаешься, Роман.

РОМАН. Что поделать, я не тот романтический молодой человек, с которым ты познакомилась лет тридцать назад. «Теряем мы средь жизненных волнений и чувства лучшие, и цвет своих стремлений».

АННА. Как бы тебе заодно не потерять и репутацию. Ты ведь известен как неординарный режиссер.

РОМАН. Слава хорошо, а деньги лучше. «Что слава? – Яркая заплатка на ветхом рубище певца. Нам нужно злата, злата, злата!»

АННА. Сплошные стихи. Ты сегодня в ударе.

РОМАН. А за репутацию не беспокойся. Ее я сделаю на Шекспире.

АННА. Что ж, злато – это заманчиво. И кого я должна там играть?

РОМАН. Кого угодно, по твоему выбору. Хочешь, бандершу, хочешь – полковника полиции.

АННА. Может, вышибалу?

РОМАН. Не смейся, ты, если захочешь, сможешь сыграть и вышибалу. Это не имеет никакого значения. Главное – чтобы твое имя стояло на афише. А девушек я как раз сейчас набираю. Договорились?

АННА. Не знаю. Я подумаю.

РОМАН. Анна, мы сейчас одни, и нам никто не мешает. Такой случай еще не скоро представится.

АННА. Случай для чего?

РОМАН. Для объяснения.

АННА. Если опять на романтическую тему, то избавь меня от него.

РОМАН. Сначала послушай. Ты свободна, и я одинок. Мы связаны общим делом и интересами тридцать лет...

АННА. Дорогой мой, я знаю все, что ты хочешь сказать. Так что не продолжай. Не будем увенчивать нашу многолетнюю дружбу банальной связью.

РОМАН. Почему «связью» и почему «банальной»?

АННА. А чем же еще? Браком, что ли? Или любовью?

РОМАН. Почему нет?

АННА. Оставь. Я уже давно играю матерей, и, честно говоря, пора переходить на бабушек. О какой любви может идти речь?

РОМАН. О настоящей любви, в которой ты, по-моему, очень нуждаешься.

АННА. Ты так настойчиво меня добиваешься, что я начинаю опасаться, что когда-нибудь не выдержу и уступлю.

РОМАН. *(Берет ее за руку.)* Не тни время и соглашайся сейчас. Нам будет очень хорошо вместе, вот увидишь.

АННА. Да? Почему же тогда мы ссоримся на каждой репетиции?

РОМАН. Потому что у тебя невыносимый характер.

АННА. Можно подумать, что ты – кроткий ангел с крылышками и с нимбом над головой, источающий мед и благоволение.

РОМАН. Да, у меня нервы, я иногда срываюсь...

АННА. Очень часто.

РОМАН. ...Но у меня нет и сотой доли твоего непробиваемого упрямства. В конце концов, актрису из тебя сделал я.

АННА. А я из тебя сделала режиссера... *(Держится за сердце.)* Как здесь душно...

РОМАН. *(Хладнокровно пьет чай.)* Не хватайся за сердце. Этим старым трюком ты меня не проймешь. Перестань изображать передо мной «Даму с камелиями». Допей свой чай и иди разыгрывать спектакль на сцене, а не здесь. Только там играй без этих дурных провинциальных штампов.

Анна молчит. Глаза ее закрыты.

Анна, слышишь, что я тебе говорю?

Анна молчит.

(Встревоженно.) Анна! Что с тобой?

Роман подходит к Анне, берет ее за руку, взглядывается ей в лицо, затем отпускает руку. Она безжизненно падает на подлокотник. Роман в панике зовет помощницу.

Ирина!

ИРИНА. *(Появляясь.)* Что случилось?

РОМАН. Анне Сергеевне плохо. Вызови скорую.

ИРИНА. Скорую не дожدهшься... В третьей ложе у нас должен сидеть дежурный врач, я лучше приведу его.

РОМАН. Давай, только побыстрее!

ИРИНА. Бегу. *(Исчезает.)*

РОМАН в ожидании врача неумело и безуспешно пытается привести Анну в чувство: брызгает водой, обмахивает ее веером. Анна не шевелится. Входят ИРИНА и ВРАЧ – молодой мужчина с традиционным саквояжем. Его зовут ВИКТОР.

ВИКТОР. Где больная?

РОМАН. Вот, в кресле. А вы разве наш дежурный врач? Я что-то вас не помню.

ВИКТОР. Я заменяю сегодня Александра Гавриловича.

РОМАН. Хорошо-хорошо, какая разница. Приступайте.

ВИКТОР, оглядев комнату, находит телефон, подходит к нему и берет трубку.

Что вы делаете?

ВИКТОР. Хочу вызвать скорую помощь.

РОМАН. Телефон бутафорский. Зачем вам скорая, вы ведь сами врач! Не теряйте времени, займитесь больной. Если только она и впрямь больная, а не устраивает нам представление.

ВИКТОР подходит к Анне и пробует ее пульс. Роман и Ирина суетятся рядом.

Ну?

ВИКТОР. Прошу посторонних оставить комнату. С больной должен остаться только врач. Когда будет нужно, я вас позову.

Роман и Ирина нехотя уходят. Врач укладывает Анну в кресле поудобнее и осторожно расстегивает ей пуговицы на блузке.

АННА. Зачем вы расстегиваете мне блузку?

ВИКТОР. *(Вздвигнув от неожиданности.)* Чтобы вам было легче дышать.

АННА. Спасибо. Однако надеюсь, что ваша заботливость не зайдет слишком далеко и ограничится двумя пуговицами.

ВИКТОР. Я могу снова застегнуть их.

АННА. Нет, почему же. Мне стало легче дышать. Расстегните, пожалуй, еще одну.

ВИКТОР. Как вы себя чувствуете?

АННА. Прекрасно.

ВИКТОР. Сейчас я вызову скорую помощь.

АННА. Еще чего! Я совершенно здорова.

ВИКТОР. Только что вы были без сознания.

АННА. Я притворялась. Неужели вы сразу не догадались? Мне хотелось заставить Романа немножко понервничать. Кстати, он испугался?

ВИКТОР. Если вы имеете в виду мужчину, который крутился возле вас, он был изрядно напуган.

АННА. И поделом ему. *(Делает усилие, чтобы встать.)*

ВИКТОР. Оставайтесь в кресле, вам нужен покой. *(Помогая Анне устроиться и подкладывая ей под голову подушку.)* Сядьте поудобнее. Расслабьтесь.

АННА. Спасибо. У вас ласковые руки.

ВИКТОР. Руки врача.

АННА. Так вы врач?

ВИКТОР. А вы что думали?

АННА. Я ничего не думала. Но врачей я всегда представляла себе в халатах. А кто я, вы знаете?

ВИКТОР. *(Помолчав.)* Нет.

АННА. Это очень странно. Допустим, вы не любите театр, но хоть телевизор-то у вас в доме есть?

ВИКТОР. Есть, но я не большой его смотритель.

АННА. А как вы сейчас оказались в театре?

ВИКТОР. В качестве дежурного врача. И заодно, правда, смотрел спектакль.

АННА. Как же вы можете не знать меня, если в этом спектакле я играю главную роль?

ВИКТОР. *(Уклончиво.)* Простите, я вас не узнал. На сцене вы были в другом платье. Давайте все-таки вызовем скорую помощь.

АННА. Зачем? Ведь вы же сам доктор.

ВИКТОР. У меня нет кардиографа, оборудования, нужных лекарств. Я не могу брать на себя такую ответственность.

АННА. Пустяки. Я совершенно здорова. Просто здесь трудно дышать. В этой комнате плохая вентиляция.

ВИКТОР. (*Оглядывая комнату.*) Очень странное помещение.

АННА. Это репетиционная комната. (*С теплотой в голосе.*) Тут мы проводим наши лучшие часы.

ВИКТОР. А зачем сюда стащили весь этот хлам?

АННА. У вас нет воображения. Разве вы не видите, что мы находимся в древнем Риме?

ВИКТОР. (*Неуверенно.*) Да, пожалуй... Хотя, честно говоря...

АННА. Примерно так на сцене будут расположены предметы декорации будущего спектакля. Эта табуретка – курульное кресло Цезаря. (*Садится на обшарпанную табуретку, изображая величественную осанку властителя полумира.*) Те скамейки – это римский сенат. А это (*ложится на протертую и просевшую кушетку и не без юмора принимает нарочито картинную позу знаменитой соблазнительницы*) – это ложе Клеопатры. На сцене будет все точно так же, только добавятся позолота, бархат, драпировки и фанера, покрашенная под мрамор.

ВИКТОР. Вы будете играть Клеопатру?

АННА. Нет, для нее я слишком стара. Я репетирую жену Цезаря, не то чтобы пожилую, но... Как говорится, возрастная роль. Такова жизнь. Клеопатры приходят на смену стареющим женам.

Пауза.

ВИКТОР. Если вам стало лучше, то я вернусь дежурить в свою ложу.

АННА. Оставайтесь. Если вы уйдете, я попадусь в лапы к Роману, а я не хочу продолжать с ним разговор.

ИРИНА. (*Заглядывая в комнату.*) Анна Сергеевна, как вы себя чувствуете?

АННА. Спасибо, прекрасно.

ИРИНА. Вы сможете выйти на сцену?

АННА. Конечно.

ИРИНА. Значит, спектакль не отменять?

АННА. Разумеется, нет. Не мешайте, пожалуйста, врачу.

ИРИНА. Извините. (*Исчезает.*)

Пауза.

АННА. Вы так и будете молчать?

ВИКТОР. Вы тоже не очень разговорчивы.

АННА. Вы не похожи на других мужчин. Обычно они говорят мне комплименты, восхищаются моим талантом, выражают надежду на новую встречу и несут тому подобную чепуху. А вы сидите, как Будда, с устремленным внутрь себя взглядом. Ну, если не внутрь себя, то, во всяком случае, не на меня.

ВИКТОР. Вы хотите, чтобы я тоже нес чепуху?

АННА. Почему бы и нет? И чепуха бывает приятной.

ВИКТОР. Я не в том возрасте, когда начинают делать вид, что ухаживают за женщиной только потому, что случайно оказались с ней наедине в одной комнате.

АННА. Мне не нужны ваши ухаживания, но хотя бы соблюдайте этикет. Вот, например, я сказала, что стара для Клеопатры, а вы даже не возразили. Ваше безразличие может означать одно из двух: или я в ваших глазах не женщина, или вы не мужчина.

ВИКТОР. (*Улыбаясь.*) А может, моя кажущаяся пассивность – это, на самом деле, лукавый прием, начало атаки на вашу неприступную крепость?

АННА. Если это и прием, то уж очень хитроумный.

ВИКТОР. Почему же? Я не расточаю комплиментов, чтобы не быть пошлым; не хвалю вашу красоту, чтобы не быть похожим на всех; молчу, чтобы возбудить ваше любопытство. Что же касается упоминания о возрасте, то это с вашей стороны не более чем кокетство, потому

что вы могли бы играть не только Клеопатру, но даже ее младшую сестру. Как видите, я тоже умею нести чепуху.

АННА. Продолжайте, продолжайте, это уже на что-то похоже. А то вы вели себя так, как будто перед вами манекен из витрины магазина, а не популярная артистка.

ВИКТОР. Скажите... Как бы это выразиться поделикатнее... Для ухаживания, вернее, для его конечной цели и результата, так ли уж важно, чтобы женщина была знаменитой? Может быть, важнее красота, молодость, темперамент?

АННА. Оказывается, вы умеете быть еще и нахалом. Но ваша откровенность мне нравится.

ВИКТОР. Я говорил вообще, не имея в виду именно вас. Лично у вас, разумеется, есть, по меньшей мере, два из названных мною качеств. То есть красота и молодость.

АННА. Не знаю, насмешка это или грубый комплимент, но, по крайней мере, вы хоть заговорили как мужчина. Кстати, темперамент у меня тоже есть.

ВИКТОР. Счастлив тот, кто имел возможность в этом убедиться.

АННА. Не надейтесь, что и вам когда-нибудь повезет. Что касается моих лет, то я уже не в том возрасте, когда его еще не скрывают и пока не в том возрасте, когда уже перестают его скрывать. Однако я и не пытаюсь играть молодых красавиц. Не хочу выглядеть на сцене смешной. У меня уже дети и внуки.

ВИКТОР. Ну что ж, нужные комплименты сказаны и выслушаны. Почему бы нам теперь просто не поговорить?

АННА. О чем?

ВИКТОР. О чем угодно. О соколах – который выше взмыл, о псах – который голосом звончей, о шпагах – у которой лучше сталь, о скакунах – который лучше в беге, о девушках – которая красивей...

АННА. О, вы так хорошо знаете Шекспира?

ВИКТОР. И вы тоже?

АННА. Ну, это моя профессия. Я переиграла роли, кажется, во всех его пьесах.

ВИКТОР. А я их только перечитал.

АННА. Скажите, вам понравилась сегодня моя игра?

ВИКТОР. Вы хотите услышать правду или комплимент?

АННА. Разумеется, только комплимент!

ВИКТОР. В таких случаях все говорят, что хотят слышать правду.

АННА. Но ждут похвал. Кто любит горькие пилюли правды? Тьмы низких истин мне дороже нас возвышающий обман. Комплименты, только комплименты и ничего, кроме комплиментов!

ВИКТОР. Вы играли божественно, восхитительно, упоительно, очаровательно, бесподобно.

АННА. *(Посерьезнев.)* Так... А теперь скажите правду.

ВИКТОР. Зачем? Не говори правду, не теряй дружбу.

АННА. У нас нет и не будет дружбы, вам нечего терять.

ВИКТОР. У вас только что был сердечный приступ...

АННА. Даже так? Выходит, я играла настолько плохо, что вы боитесь вашей правдой вызвать у меня инфаркт?

ВИКТОР. *(Встает.)* Я лучше пойду.

АННА. *(Нетерпеливо.)* Нет уж, говорите! Неужели это было так плохо?

ВИКТОР. *(Виновато.)* Ужасно.

АННА. *(Потускнев.)* Почему? Объясните.

ВИКТОР. Ну, во-первых, что это за пьеса?

АННА. Чем она плоха?

ВИКТОР. Две капли Чехова на стакан воды.

АННА. Пьеса, действительно, дрянь. Но публике нравится.

ВИКТОР. Спектакль для тещ.

АННА. (*Холодно.*) Вы жестоки и пристрастны. Кто вы такой, чтобы судить о театре?

ВИКТОР. Простите. Я всего лишь дилетант, и мне не следовало вас огорчать.

АННА. Нет, почему же? Мне полезно было это услышать. Враги говорят иногда правду, друзья – никогда.

ВИКТОР. Я вам не враг... Вы раньше спросили, знаю ли я, кто вы такая, и я ответил, что не знаю. Это неправда. Я восхищаюсь вами много лет, с самой первой вашей роли, с вашей юной Джульетты. Помните?

«Хоть радость ты моя,

Но сговор наш ночной мне не на радость...»

АННА. (*Продолжает.*)

«...Он слишком скор, внезапен, необдуман,

Как молния, что исчезает раньше,

Чем скажем мы – вот молния».

ВИКТОР. Эти слова ударили меня тогда, как молния. Как вы их произносили!.. Потом я помню вас Эльмирой – и какой Эльмирой! Я после этого выучил «Тартюфа» наизусть.

АННА. Я смотрю, у вас великолепная память.

ВИКТОР. А в каких жалких пьесах вы играете порой сегодня! Какие тексты жуете! Боже мой, что за тексты!

АННА. (*Холодно.*) Уважаемый критик, скажите хотя бы, как вас зовут?

ВИКТОР. Виктор Павлович.

АННА. Так вот, мой дорогой Виктор, вас не смущает, что я не нравлюсь только вам? Вся рота идет не в ногу, один вы в ногу, – так получается? Зрители встречают и провожают меня цветами и аплодисментами, а вы... вы позволяете...

ВИКТОР. Да, я знаю, вас зовут живой легендой. Но лучше бы вы оставались живой актрисой. А вы пять или десять лет назад умерли. Из роли в роль, из спектакля в спектакль, из сериала в сериал вы несете все тот же хриловатый голос и ироничную интонацию, все тот же штамп, который когда-то полюбился публике, и с которым вы теперь не расстаетесь. Вы оседлали вашу популярность и не хотите с нее слезать, вы... (*Взглянув на Анну, осекается.*) Извините. Все это, собственно, меня не касается.

АННА. (*Сверкая глазами от едва сдерживаемой ярости.*) Говорили, говорили и договорились... Ну, что еще хорошего вы скажете?

ВИКТОР. (*Очень искренне.*) Что вы сейчас прекрасны, как разгневанная роза.

АННА. Хотите загладить свою вину лестью? (*Помолчав, другим тоном*) Впрочем, вины на вас нет. Вы правы. Я сама это чувствовала, только не решалась себе в этом признаться.

Пауза.

ВИКТОР. Вам легче?

АННА. Мне и не было плохо.

ВИКТОР. Знаете, что? Давайте я все-таки отвезу вас в больницу или хотя бы домой и позвоню вашему врачу.

АННА. Во-первых, у меня нет своего врача. Во-вторых, вы не знаете, что такое театр: артистка скорее умрет, но доиграет спектакль до конца. И, в-третьих, когда же вы поймете, что я абсолютно здорова?

ИРИНА. (*Заглядывая в комнату.*) Анна Сергеевна, извините. Вы готовы? Скоро ваш выход.

АННА. Иду. (*Виктору.*) Мне остались всего три-четыре реплики и поклоны. Подождите меня здесь, пожалуйста. Мне надо кое-что вам сказать.

АННА уходит. Входит РОМАН. Он переоделся для выхода на сцену. Костюм его живописен и слегка небрежен.

РОМАН. Ну, что у нее было? Как я понимаю, ничего серьезного?

ВИКТОР. *(Неопределенно.)* Трудно сказать. Надо направить ее на обследование.

РОМАН. Как всякая одаренная артистка, она одарила меня на репетициях таким количеством приступов, истинных и притворных, что из них можно было бы составить целый спектакль. Кстати, давайте познакомимся. *(Протягивая руку.)* Роман Анатольевич, главный кормчий этого идущего ко дну корабля.

ВИКТОР. Почему так мрачно?

РОМАН. Театр как искусство вообще дышит на ладан. Его губят телевидение, начальство и публика, не имеющая даже отдаленного понятия о том, что такое культура. В него ходят поскучать только те, кто ошибочно полагает, что театр еще в моде, да и еще те, кто надеется этим создать себе имидж культурного человека. Впрочем, не обращайтесь на мои стенания. Режиссеры и критики предрекают театру смерть со времен Еврипида и Софокла, а он все еще почему-то жив.

Слышится громкая бравурная музыка и шум аплодисментов.

Ага, спектакль кончился. Слышите, как хлопают? Думаете, оттого что спектакль хороший? Ничего подобного. Это мы их заводим на поклонах музыкой в ритме две четверти. *(Хлопает в ладоши в такт музыке.)* Раз, два, раз, два... Старый, как мир, прием. Если бы вы знали, как мне все это осточертело.

ИРИНА. *(Входя.)* Роман Анатольевич, вам пора на поклоны.

РОМАН. Иду. *(Виктору.)* Это Ирина, мой заместитель по интригам. Она же помреж, то есть делает всю черную работу. Не думайте, что это мало. В театре другой работы, кроме черной, нет.

ВИКТОР. Виктор Павлович.

ИРИНА. Очень приятно.

Роман, бросив взгляд в зеркало и приосанившись, выходит, Ирина следует за ним. Музыка и аплодисменты продолжают, затем они постепенно стихают. Появляется Анна. В руках у нее букет.

АННА. Вы не ушли?

ВИКТОР. Вы же хотели мне еще что-то сказать.

АННА. Да. Прежде всего, попросить у вас прощения. Я вела себя с вами безобразно, я говорила только о себе, кривлялась, как престарелая кокетка, и сыпала пошлостями. Я сама себе противна.

ВИКТОР. А мне нисколько.

АННА. Больше это не повторится. А теперь, разрешите, я открою вам секрет? Я, может быть, и в самом деле больна. И мне нужен свой постоянный врач. Вы понимаете, почему я это говорю именно вам?

ВИКТОР. Понимаю. Хотите, и я открою вам секрет? Я не врач.

АННА. Вы шутите!

ВИКТОР. Доктор, который обычно приходит сюда на дежурство, – мой друг, и он попросил меня его подменить.

АННА. И вы, ничего не понимая в медицине, согласились?

ВИКТОР. Это был легкомысленный и безответственный поступок. Но мой приятель заверил меня, что за десять лет дежурств в театре ни разу не понадобилась его помощь и что за этот вечер тоже ничего не случится. Просто посижу вместо него и заодно получу удовольствие от премьерного спектакля.

АННА. А удовольствия от спектакля вы как раз и не получили. Мне вас жаль.

ВИКТОР. Вы не представляете, как я был напуган, когда меня вызвали к вам. Я ведь был бессилен вам помочь.

АННА. Зато благодаря этому мы познакомились.

ВИКТОР. Так что при всем желании я не смогу быть вашим врачом.

АННА. И очень хорошо, что не сможете. Мне бы вовсе не хотелось, чтобы вы интересовались моим пищеварением, изучали всякие анализы и деловито осматривали мое тело в поисках сыпи или отеков. К тому же, я вовсе и не больна – просто хотелось, чтобы вы меня иногда навещали. И если вы придете в качестве гостя... Собеседника... Одним словом, позвоните, если надумаете. *(Пишет на листке бумаге номер телефона и отдает его Виктору).* До свидания. Извините, что из-за меня вы не досмотрели спектакль, и спасибо, что посвятили мне вечер. *(Отдает ему свой букет.)*

ВИКТОР. До свидания.

ВИКТОР уходит. Входит РОМАН.

РОМАН. Снова успех, снова цветы. Поздравляю. *(Обнимает и целует Анну.)*

АННА. Спасибо.

РОМАН. Как ты себя чувствуешь?

АННА. Прекрасно.

РОМАН. Аплодисменты – лучшее лекарство, не правда ли?

АННА. И лучшая отравка.

РОМАН. Поедем куда-нибудь, отметим твою удачу?

АННА. О какой удаче ты говоришь? Я стала плохой актрисой.

РОМАН. Неправда.

АННА. Если ты этого не видишь, значит, и ты стал плохим режиссером.

РОМАН. Ты просто не в настроении.

АННА. *(Помолчав.)* Роман, я подумала и решила: я не буду играть в твоем новом спектакле.

РОМАН. Ты серьезно?

АННА. Вполне.

РОМАН. Ну, я надеюсь, ты еще передумаешь.

АННА. Нет.

РОМАН. Но почему?

АННА. Я не хочу больше этих убогих и тощих текстов, в которых нет ни мысли, ни красоты. Мне стыдно их произносить. Я уж не говорю про непечатную лексику, хотя, впрочем, теперь печатают все. Меня от этого тошнит.

РОМАН. Но ведь в наше время все так говорят.

АННА. Какое мне дело, как теперь говорят? Во времена Шекспира население было поголовно неграмотным, нравы грубыми, невежество ужасающим, но почему же его герои изъясняются столь прекрасным слогом, и чувства их столь сильны, необузданны, возвышенны?

РОМАН. Оставим высокие споры об искусстве. Я подписал контракт, у меня нет пути назад. И я на тебя рассчитывал. Соглашайся, мне очень нужна звезда.

АННА. Возьми другую актрису. Звезд теперь много.

РОМАН. Но я не хочу другую. Я хочу тебя.

АННА. Извини, я устала, мне пора домой.

РОМАН. У тебя еще есть время подумать. Я три месяца буду занят съемками и только потом возьмусь за спектакль.

АННА. Боюсь, что я не передумаю.

РОМАН. *(В сердцах.)* Ну, что ж – нет, так нет. Но ты знаешь: то, что я начал, я всегда довожу до конца. Я наберу команду. Я найду звезду. Я сделаю спектакль. И аплодировать в нем будут не тебе.

АННА. Я дарю тебе свою долю аплодисментов. (*Уходит.*)

Картина вторая

Два месяца спустя. Анна принимает Виктора у себя дома.

АННА. Что же случилось дальше?

ВИКТОР. (*Продолжая рассказ.*) Король заставил своего сына и наследника Педро жениться на испанской принцессе Констансе. Он полагал, что это даст Португалии права и на кастильский трон. Но судьба распорядилась по-своему. Вместе со свитой Констансы в Португалию прибыла и ее фрейлина по имени Инеса де Кастро. Она была не очень знатна, но красива, умна и добра, и принц привязался к ней всем сердцем. Констанса вскоре умерла, и Педро вступил с Инесой в тайный брак. Этот неравный союз не понравился могущественным португальским вельможам. Они оговорили Педро перед его отцом, составили заговор, и убили Инесу вместе с их детьми. Это было в 1355 году. Спустя два года Педро вступил на престол, доказал законность своего брака с Инесой, объявил ее королевой и отомстил убийцам.

АННА. Как?

ВИКТОР. Он распорядился вынуть из могилы тело своей возлюбленной, одеть его в роскошное платье и посадить рядом с собой на трон. Когда это было сделано, король приказал всем заговорщикам подходить по очереди к трупку Инесы и целовать ему руку.

АННА. Какая невероятная история... Похожа на сказку.

ВИКТОР. Реальность часто превосходит любую фантазию. Спустя десять лет Педро умер, завещав похоронить его рядом с возлюбленной. На его гробнице и по сей день можно прочесть клятву верности, которую он дал Инесе: «До конца света».

АННА. (*Повторяет.*) «До конца света»... Я бы хотела жить в это время. Или хотя бы играть в такой пьесе... Мы встречаемся с вами уже месяца два, но я не устаю вас слушать. Вы рассказали мне бездну интересных вещей. О живописи, музыке, литературе, о королях и капусте. Короче говоря, обо всем, только не о себе.

ВИКТОР. Это потому, что я старался вам рассказывать только интересные вещи.

АННА. Не увиливайте, это не поможет. Я и так достаточно хорошо вас узнала, но, может быть, вы сами хотите рассказать что-нибудь о себе? Поверьте, для меня это самая интересная тема.

ВИКТОР. А что вы хотите знать?

АННА. Все, что угодно. Например, чем вы занимаетесь целыми днями?

ВИКТОР. Так, ничем особенным. Я же пенсионер.

АННА. А кем были раньше?

ВИКТОР. Не космонавтом и не академиком. И не живой легендой.

АННА. Не надо меня дразнить, я уже исправилась. Так чем же вы все-таки занимаетесь? Не будете же вы уверять меня, что лишь едите творожок и смотрите телевизор.

ВИКТОР. Вообще-то, моя специальность – теоретическая математика.

АННА. Но ведь за теории обычно не платят.

ВИКТОР. Что верно, то верно.

АННА. Может, вам нужно подыскать работу? Не стесняйтесь, я буду рада вам помочь. У меня много связей.

ВИКТОР. Спасибо. Я не нуждаюсь.

АННА. На что же вы живете?

ВИКТОР. Считаю иногда чужие деньги.

АННА. И от этого у вас появляются свои?

ВИКТОР. Да, иногда мне за это платят.

АННА. За то, что вы считаете чужие деньги?

ВИКТОР. Ну, представьте, что вы владеете банком с оборотом несколько миллиардов долларов. Сотни тысяч вкладчиков и клиентов, кто-то вам должен, кому-то вы должны, вклады и ссуды у всех на разный срок и под разные проценты, миллионы операций, курс валют постоянно колеблется... Как это все сосчитать и держать под контролем? Вот тут-то мои теории и находят практическое применение.

АННА. За это и вправду должны немало платить.

ВИКТОР. Если бы я занимался этим постоянно и всерьез, я, возможно, сам бы уже владел таким банком. Но я уделяю этому очень мало времени. Ровно столько, чтобы быть независимым и свободным. В мире есть немало вещей не менее приятных, чем деланье денег.

АННА. Видите, как интересно. А вы молчали.

ВИКТОР. *(Поднимаясь.)* Мне пора.

АННА. Вы хотите уже уйти?

ВИКТОР. Сказать честно, не хочу.

АННА. Так зачем вам вообще уходить?

ВИКТОР. Вы серьезно?

АННА. Так серьезно, что меня саму это пугает. *(Стараясь перейти на легкий тон)* Видите, как я бесстыдно откровенна?

«Как торжество любви для нас ни очевидно,

Нам признаваться в нем всегда немножко стыдно.

Я беззастенчива, как видите, весьма,

И женской скромности я не щажу сама».

Так, кажется, изъяснялась ваша любимая Эльмира?

ВИКТОР. Анна, вы сами понимаете, что вы говорите?

АННА. Конечно. Я первый раз в жизни первая признаюсь в любви, причем даже без надежды на взаимность. Каждый раз, когда мы прощаемся, я хочу сказать: «Куда же ты? Не уходи! Почему мы не встретились раньше? Ведь нам так хорошо вместе!»

ВИКТОР. Мы не сможем быть вместе. В моем возрасте трудно менять стиль жизни, привычки, распорядок...

АННА. Вот так всегда... У молодых вся жизнь впереди, но они почему-то торопятся. Людям пожившим остается не так уж много, но они почему-то не спешат и все думают.

ВИКТОР. Потому что каждый из нас уже не раз обжигался, и каждый наломал в жизни немало дров. Вам разве не страшно?

АННА. Страшно. Но мне ясно одно: я не хочу расставаться с вами ни на минуту.

ВИКТОР. Анна, я старше вас и не совсем здоров. Сегодня, правда, я бодр и деятелен. Но кто знает, каков я буду через год или даже через месяц и буду ли я жив вообще? Что тогда?

АННА. Дорогой мой, кто знает, что будет через год или через месяц? Зачем гадать? И зачем думать о смерти?

ВИКТОР. Думай – не думай, а от этой старухи никуда не деться.

АННА. А я столько раз под аплодисменты умирала на сцене красивой театральной смертью, что сумею без страха уйти и по-настоящему.

ВИКТОР. В реальности это не так красиво, как на сцене.

АННА. И почему вы думаете, что она старуха? *(Задумчиво.)* Мне кажется, я однажды ее видела.

ВИКТОР. Что значит «видела»?

АННА. Так случилось, что в больнице при мне умирал один молодой человек. Он так страдал и так не хотел расставаться с жизнью... И в эту минуту в комнату вошла дама. На ней было платье черного бархата, скрепленное серебряной брошью, темные волосы обрамляли прекрасное лицо. Ее черные глаза блестели, шея и плечи светились слоновой костью. Она приблизилась к нему, медленно, плавно, легкой походкой, держа в руках букет белых роз. И она

протянула их ему и дала вдохнуть их запах. И запах этот нес утешение, забвение всех бед, забот и печалей, обещание отдыха и покоя, долгого-долгого покоя... И он понял, что ее не надо бояться, она не страшна, она, как любовь, которой бесполезно сопротивляться и которой надо отдаться. И она дала ему руку, и он взял ее и радостно пошел за нею... А, может, всё это мне только пригрезилось...

ВИКТОР. И вам не страшно было бы последовать за этой дамой?

АННА. Наверное, нет. Но зачем мы говорим на столь мрачную тему? Забудьте это. Главное, мы нашли друг друга. Неужели вы и дальше хотите быть одиноким?

ВИКТОР. Кто одинок, тот не будет покинут.

АННА. Я никогда вас не покину. Слышите? Никогда!

КОНЕЦ ПЕРВОГО ДЕЙСТВИЯ

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Картина третья

Обстановка первой картины. Прошло три месяца. Роман сидит за своим столом, продолжая отбор участниц для будущего спектакля. Входит ЖЕНЩИНА весьма зрелого возраста.

РОМАН. Разденьтесь.

ЗРЕЛАЯ ЖЕНЩИНА. Что?

РОМАН. Я говорю, разденьтесь.

ЗРЕЛАЯ. Вы с ума сошли!

РОМАН. Да, я этого не избежал. Но меня уже вылечили.

ЗРЕЛАЯ. Вы уверены?

РОМАН. Не совсем. Не совсем уверен и не совсем вылечили. Впрочем, перед умалишенным раздеться должно быть еще легче, он ведь ничего не понимает.

ЗРЕЛАЯ. Нет!! Хотя вы и сумасшедший, но все-таки мужчина.

РОМАН. Спасибо. И что из этого? Вы же раздеваетесь, например, перед врачом.

ЗРЕЛАЯ. Да, но...

РОМАН. Так режиссер – это тот же врач.

ЗРЕЛАЯ. Да? Я почему-то представляла, что это разные профессии.

РОМАН. Оба имеют дело с человеческим материалом.

ЗРЕЛАЯ. Врач – это врач, а вы все-таки художник...

РОМАН. Хорошо, тогда разденьтесь как натурщица перед художником.

ЗРЕЛАЯ. А как раздеваются перед художником?

РОМАН. Очевидно, так же, как перед врачом: просто снимают одежду.

ЗРЕЛАЯ. В вашем объявлении про это не было написано.

РОМАН. Ведь вы же пришли показаться. Вот и показывайтесь.

ЗРЕЛАЯ. Я не понимала это так буквально.

РОМАН. (С легкой досадой.) Моя помощница сказала вам, что мое время ограничено?

ЗРЕЛАЯ. Я уже не в том возрасте, когда женщин обременяют предрассудки, и мне ничего не стоит раздеться, но...

РОМАН. Так в чем же дело?

ЗРЕЛАЯ. Одетой я выгляжу лучше.

РОМАН. Все женщины одетыми выглядят лучше.

ЗРЕЛАЯ. И все же одни от раздевания теряют меньше, а другие – больше.

РОМАН. А почему вы боитесь показаться передо мной такая, какая вы есть на самом деле?

ЗРЕЛАЯ. На самом деле я всегда одетая.

РОМАН. Значит, вы отказываетесь от участия в спектакле?

ЗРЕЛАЯ. А какую роль вы хотите мне дать?

РОМАН. Предположим, что я ищу актрису на роль Джульетты. Вы хотите получить эту роль?

ЗРЕЛАЯ. Да, конечно. Только непонятно, почему для этого надо обязательно раздеваться.

РОМАН. У Шекспира Джульетта проводит с Ромео первую брачную ночь. И, кстати, единственную и последнюю. Я хочу, чтобы это было красиво. Покажите, как вы это проделаете.

ЗРЕЛАЯ. Сказать честно, первая брачная ночь была у меня довольно давно. Я не уверена, что смогу вам ее показать. Ничего не помню. Вторая, правда, была сравнительно недавно.

РОМАН. Я что-то не совсем понимаю. Чем объяснить столь долгий разрыв между двумя брачными ночами?

ЗРЕЛАЯ. Я имею в виду первую брачную ночь со вторым мужем.

РОМАН. И сколько всего первых брачных ночей у вас было?

ЗРЕЛАЯ. Три.

РОМАН. Постарайтесь припомнить последнюю.

ЗРЕЛАЯ. Последнюю? Честно говоря, и вспоминать-то нечего.

РОМАН. Может, сориентируем вас лучше на роль кормилицы?

ЗРЕЛАЯ. Но она же старая.

РОМАН. Кто вам сказал? Кормилице у Шекспира, хоть ее и изображают, по традиции, старухой, на самом деле лет тридцать пять. Я не спрашиваю, сколько лет вам. Разумеется, вы моложе. Итак?

ЗРЕЛАЯ. *(После некоторых колебаний.)* Нет, эта роль не для меня.

РОМАН. Почему?

ЗРЕЛАЯ. Ведь кормилица – это женщина, которая кормит грудью?

РОМАН. Да. В отличие от кормильца.

ЗРЕЛАЯ. У меня уже не та грудь, чтобы раздеваться.

РОМАН. Какая же у вас грудь?

ЗРЕЛАЯ. Я же сказала – не та.

РОМАН. А какая грудь, по-вашему, «та»?

ЗРЕЛАЯ. Я бы вам показала, но у меня как раз не та.

РОМАН. А зачем вам грудь?

ЗРЕЛАЯ. Мне? Совершенно незачем. Но я думала, что она нужна вам.

РОМАН. Я не хочу показаться невежливым, но меня несколько утомляют разговоры о вашей груди.

ДАМА. Но, согласитесь, не так просто вдруг оказаться перед мужчиной без всего.

РОМАН. Если вы уж так стесняетесь, оставьте на себе лифчик. Тогда ваша не та грудь останется скрытой от моего жадного взора.

ЗРЕЛАЯ. Я не могу.

РОМАН. Почему же?

ЗРЕЛАЯ. Я не догадалась надеть нарядное белье. Я не знала, что оно понадобится.

РОМАН. Тогда я предлагаю такое решение. Я вам даю комплект самого нарядного белья. Вы переходите в соседнюю комнату, быстро раздеваетесь, меняете свое белье на нарядное, одеваетесь, возвращаетесь сюда, тут медленно, спокойно и артистично раздеваетесь, потом выходите, одеваетесь, переходите сюда и возвращаете мне белье. Согласны?

ЗРЕЛАЯ. Извините, я запуталась.

РОМАН. Повторяю. Я вам даю комплект самого нарядного белья. Вы переходите в соседнюю комнату, раздеваетесь, меняете белье...

ЗРЕЛАЯ. *(Прерывая.)* Постойте. Все это очень сложно. Давайте лучше сделаем так: я просто разденусь, а вы в это время отвернитесь.

РОМАН. Мне важен процесс, а не результат.

ЗРЕЛАЯ. А сколько вы собираетесь платить?

РОМАН. За что?!

ЗРЕЛАЯ. Я имею в виду, когда вы примете меня на роль Джульетты.

РОМАН. Об этом говорить еще рано.

ЗРЕЛАЯ. Для меня этот вопрос очень существенный. На мне двое внуков.

РОМАН. Мы обсудим этот вопрос. А пока, к сожалению, наше время истекло. Вы свободны.

ЗРЕЛАЯ. Но я вам еще ничего не успела показать!

РОМАН. Вы показали все, что меня интересовало. *(Вежливо подталкивает ее к выходу.)*

ЗРЕЛАЯ. Я смогу сыграть Джульетту не хуже других. Ведь нигде не сказано, что Ромео был у нее первым мужем. Он мог быть и вторым, и третьим. Правда же?

РОМАН. Это очень интересная трактовка. Я подумаю над ней. Всего доброго.

ЖЕНЩИНА никак не хочет уходить. РОМАН зовет помощницу.

Ирина!

Входит ИРИНА.

ИРИНА. Да, Роман Анатольевич?

РОМАН. Проводите даму.

Вместе они не без труда провозжат Женщину, продолжающую объяснять свое видение Джульетты, к выходу.

ИРИНА. Позвать следующую?

РОМАН. Много их еще там?

ИРИНА. Порядочно.

РОМАН. Делать нечего, зови.

ИРИНА выходит. Входит ЖЕНЩИНА средних лет, малорослая, неуклюжая и нескладная. В руках у нее кошелка.

РОМАН. Раздевайтесь.

НЕУКЛЮЖАЯ ЖЕНЩИНА. Это вы мне?

РОМАН. Нет, это я разговариваю сам с собой. У меня такая привычка. Причем я всегда обращаюсь к себе на «вы». Хороших людей надо уважать.

НЕУКЛЮЖАЯ. Понятно. Так, значит, раздеваться?

РОМАН. Вы стесняетесь?

НЕУКЛЮЖАЯ. Нет, почему же. Раздеваться совсем?

РОМАН. Там будет видно. Вы начинайте, я скажу, когда остановиться.

ЖЕНЩИНА ставит кошелку на пол и начинает неумело и неловко раздеваться. При этом пуговицы у нее не расстегиваются, молнии заклинивают, тесные сапоги не снимаются, на бусах не найти застёжки. Она возится довольно долго. РОМАН с интересом и жалостью наблюдает за ней.

НЕУКЛЮЖАЯ. Извините, я вас, наверное, задерживаю?

РОМАН. Нисколько. *(С состраданием.)* Вам помочь?

НЕУКЛЮЖАЯ. Нет, спасибо... Хотя... Вы не сможете стащить этот сапог?

Роман пытается снять сапог, но после тщетных усилий оставляет эту попытку.

РОМАН. Я полагаю, мы на этом остановимся.

НЕУКЛЮЖАЯ. Но я же еще не совсем разделась.

РОМАН. Вы еще совсем не разделась. Но с меня достаточно.

НЕУКЛЮЖАЯ. Я, наверное, вам не подошла?

РОМАН. Нет, напротив, вы мне очень подходите. Мне нравится ваша готовность и естественность.

ЖЕНЩИНА начинает одеваться все с теми же героическими усилиями: сапог ей никак не натянуть, молнию не застегнуть и т. д.

НЕУКЛЮЖАЯ. Извините, я вас опять задерживаю.

РОМАН. Не волнуйтесь и спокойно одевайтесь. Я с интересом за вами наблюдаю.

НЕУКЛЮЖАЯ. Вы, наверное, ищете девушек на стриптиз, в ночной клуб?

РОМАН. Вас это шокирует?

НЕУКЛЮЖАЯ. Нет, почему же? Я с удовольствием.

РОМАН. Вообще-то я набираю девушек не на стриптиз, а на театральный спектакль.

НЕУКЛЮЖАЯ. И вы дадите мне в этом спектакле роль?

РОМАН. Разумеется.

НЕУКЛЮЖАЯ. Правда?

РОМАН. Правда.

НЕУКЛЮЖАЯ. И кого я там буду играть?

РОМАН. Проститутку.

НЕУКЛЮЖАЯ. Классно!

РОМАН. Вам это подходит?

НЕУКЛЮЖАЯ. Еще бы! Я справлюсь, вот увидите.

РОМАН. Не сомневаюсь. К вам придет клиент, и вы будете при нем раздеваться. И если вы сделаете это, как сегодня, успех вам обеспечен. Не у клиента, так у публики.

НЕУКЛЮЖАЯ. Спасибо!

РОМАН. А пока я вас попрошу закончить одевание в кабинете моей помощницы. И оставьте ей ваш адрес и телефон.

НЕУКЛЮЖАЯ. Спасибо. До свидания. *(Направляется к выходу, неся в одной руке сапог, в другой – кофту, блузку и пр. То одно, то другое валится у нее из рук.)*

РОМАН. Вы забыли свою кошелку.

НЕУКЛЮЖАЯ. Ой, извините.

ЖЕНЩИНА с кошелкой выходит. Навстречу ей входит, или, скорее, впархивает Анна, нарядная и веселая.

АННА. *(Целюя Романа.)* Здравствуй, дорогой!

РОМАН. Давненько мы не встречались. Как поживает наша «живая легенда»?

АННА. Прекрасно! Я теперь и вправду живая. Не легенда, просто – живая!

РОМАН. Я вижу.

АННА. А ты по-прежнему в вечном поиске? Все еще возишься со своей женской командой?

РОМАН. Ты же знаешь, я был занят три месяца съемками. Но я слежу за твоими успехами.

АННА. Ну, а звезду нашел?

РОМАН. Пока даже не искал. Все надеялся на тебя.

АННА. И напрасно.

РОМАН. Теперь я это знаю.

АННА. Как вообще дела?

РОМАН. Сказать честно, в последнее время не очень ладятся.

АННА. Не грусти, все образуется. Обычный творческий кризис. В первый раз, что ли?

РОМАН. Уж очень он затянулся. *(Помолчав.)* А ты изменилась.

АННА. Надеюсь, к лучшему?

РОМАН. Да. Помолодела, похорошела. И стала лучше играть. Недаром в газетах пишут о новых красках, втором дыхании, ярком расцвете и все такое.

АННА. Просто я влюбилась.

РОМАН. Твое увлечение еще не кончилось?

АННА. Оно не кончится никогда.

РОМАН. Чем он тебя так пленил?

АННА. Всем. Понимаешь, мы с ним все время смеемся... И с ним всегда интересно. Он все знает, все помнит, все чувствует... И он никогда не сидит без дела. Я люблю его.

РОМАН. (*С усилием.*) Я рад за тебя.

АННА. И, ты знаешь, во мне проснулась чувственность. Я пьянею от одного его голоса. Я вспыхиваю еще до того, как его рука прикасается ко мне... Но это в наших отношениях не самое главное. Прости, что я все это рассказываю тебе.

РОМАН. Ну да, я же твой старый и верный друг...

АННА. Разве не так?

РОМАН. Да, конечно... В который раз ты влюбляешься? В четвертый? В восьмой?

АННА. В первый. Любовь может быть только в первый раз, как ты не понимаешь? Она не может быть второй или четвертой. Да, я была замужем, родила детей, но разве можно сравнить то, что было, с тем, что сейчас? Все прошлое потеряло значение, его просто не было. Все сейчас происходит впервые.

РОМАН. Тебе не кажется, что ты немножко тронулась?

АННА. Не кажется, а так оно и есть. Но это так сладко – быть сумасшедшей... Никогда я не чувствовала себя такой молодой.

РОМАН. Дорогая, ведь тебе уже – не для печати, только между нами, – за пятьдесят. Не поздновато ли влюбляться на шестом десятке? Не смейся народ.

АННА. Подожди, не ты ли уж который год объясняешься мне в любви? А ведь тебе – тоже между нами – шестьдесят пять или что-то вроде того.

РОМАН. (*Чуть смутившись.*) Но ведь я все-таки мужчина...

АННА. Значит, мужчинам можно влюбляться в любом возрасте, а женщинам запрещено? Нет, дорогой. Помнишь, у Ахматовой?

И мудрости нет, и старости нет,

А может, и смерти нет.

РОМАН. Звучит красиво, но годы есть годы. И захочешь о них забыть, да не получится.

АННА. Раньше я тоже думала, что в этом возрасте все давно кончается, а сейчас чувствую, что только теперь начала жить. Пусть это моя осень, но это золотая осень. Короткая, но дивная пора.

РОМАН. Не знаю, дивная ли, но что короткая, это точно.

АННА. Ну и пусть. Принято почему-то считать, что в зрелые годы не положено любить, особенно женщине, что все внутри уже растрчено, пережито, выжжено. На самом деле мои чувства теперь глубже, чем в юности. Ведь только после того как проживешь жизнь, начинаешь по-настоящему разбираться в людях, презирать подлость, ценить ум и благородство, понимать, зачем и для кого у тебя бьется сердце.

РОМАН. Ты его так любишь?

АННА. Он для меня все – и прошлое, и настоящее, и будущее. Жалко только, что мы так поздно встретились. Вот потому и дорожишь каждой минутой, проведенной вместе, потому-то и хочется все время дарить ему тепло, наслаждаться каждым его словом... (*Обратив наконец внимание на то, что Роману не очень весело это слушать.*) Извини, я тебе уже надоела своей болтовней. До свидания, дорогой, мне пора на сцену. Антракт кончается, а я еще не переоделась к последнему акту.

РОМАН. Беги. Лети.

АННА. Ты не очень сердись, что я говорила только о нем одном?

РОМАН. Нет. Ты ведь никогда не подавала мне надежды, так что я ничего не лишился.

АННА. Прости. Береги себя, ты неважно выглядишь. До встречи.

РОМАН. Желаю успеха. Только не вкладывай в игру столько сил, оставь немножко для себя.

АННА. Я так не умею, ты же знаешь. И не хочу, особенно теперь. Играть – так играть, жить – так жить, любить – так любить... До свидания.

АННА целует его и уходит. Роман, оставшись один, долго сидит в мрачной задумчивости. Потом достает бутылку коньяка, поколебавшись, прячет ее назад и зовет помощницу.

Ирина!

ИРИНА. *(Входя.)* Вы звали?

РОМАН. Зови сюда следующую.

ИРИНА. *(Внимательно посмотрев на шефа.)* Роман Анатольевич, по-моему, вы сейчас не совсем в форме. Отложим прием на завтра.

РОМАН. Я в прекрасной форме.

ИРИНА. Я же вас очень хорошо знаю. Я не разрешаю вам больше работать.

РОМАН. Вот как? Кто тут главный – вы или я?

ИРИНА. Я.

РОМАН. Я вас уволю.

ИРИНА. Вы отлично знаете, что не уволите. Я сейчас же отошлю женщин по домам.

РОМАН. *(Миролюбиво, очень искренне.)* Если вы меня действительно знаете, то должны понимать, что мне любым способом надо отвлечься. Работой, вином, женщинами – все равно.

ИРИНА. Нельзя все время доводить себя до изнеможения. Стоит ли набор каких-то случайных персонажей, да еще на второстепенные роли, такого времени и усилий?

РОМАН. В театре не бывает второстепенных ролей. Зовите следующую.

ИРИНА. *(Нехотя.)* Ну, хорошо. *(Выходит.)*

РОМАН снова достает бутылку. Входит ВИКТОР, бодрый, подтянутый, энергичный.

ВИКТОР. Добрый вечер. Простите, Анны здесь нет?

РОМАН. Она готовится к последнему выходу.

ВИКТОР. Тогда я, пожалуй, пройду в зал.

РОМАН. *(С бутылкой в руках.)* Останьтесь. Она все равно еще не вышла на сцену. Хотите выпить?

ВИКТОР. Пожалуй, нет.

РОМАН. Ну, а я, пожалуй, да. *(Наливает себе в стакан.)* Так вы, значит, не врач, а математик? Дайте мне вас разглядеть.

ВИКТОР. Мне раздеться?

РОМАН. Не надо язвить. Это не смешно.

ВИКТОР. А как же иначе вы определите мою пригодность в артисты?

РОМАН. У вас есть талант притворщика. Когда мне понадобится исполнитель на роль врача, я вас приглашу.

ВИКТОР. Я вам не подойду. Ведь вы, говорят, ищете теперь только женщин, причем оригинальным способом.

РОМАН. Это верно, но не совсем. Этим приемом я на самом-то деле ищу... сам не знаю что. Другого себя... Другой стиль режиссуры, других актеров, другую драматургию... Актеры заштамповались, режиссеры уходят в самолюбование и трюки. Звезды создаются не талантом, а рекламой. Пьесы пишутся трактирным языком. Нужно все менять. Интуитивно я чувствую, каким должен быть новый театр, но никак не могу нащупать к нему пути.

ВИКТОР. Но все же есть уже какие-нибудь результаты?

РОМАН. Только один – бессонные ночи. Так всегда бывает, когда ищешь то, чего еще нет. «Пойди туда, не знаю куда, найди то, не знаю что...» Иногда кажется, что вот-вот в мозгу у меня что-то щелкнет, но это «вот-вот» никак не наступает...

Виктор встает, чтобы уйти.

Не уходите, я хочу с вами поговорить. Только сначала мне надо принять очередную женщину.

ВИКТОР. Я могу пока посмотреть, как вы их отбираете?

РОМАН. *(Пожав плечами.)* Смотрите... Только сядьте где-нибудь в сторонке, чтобы их не смущать.

Входит ЖЕНЩИНА, уже не первой молодости, но, впрочем, не такая уж и старая.

РОМАН. Раздевайтесь.

ЖЕНЩИНА. С какой целью?

РОМАН. Без всякой цели.

ЖЕНЩИНА. Тогда не буду.

РОМАН. А если с целью?

ЖЕНЩИНА. Смотря с какой.

РОМАН. С самой невинной и возвышенной.

ЖЕНЩИНА. Тем более не буду.

РОМАН. Почему?

ЖЕНЩИНА. Стесняюсь.

РОМАН. Что постыдного в наготы? Возьмите, например, Венеру Милосскую. Ее внимательно рассматривают мужчины, женщины, дети, никто не находит в этом ничего непристойного. Ее фотографии печатаются в альбомах, а искусствоведы пишут восторженные статьи о красоте и вечной тайне женского тела.

ЖЕНЩИНА. Да, но я не Венера. В этом вся штука.

РОМАН. А чем вы хуже? Вы должны быть уверены в себе. Повторяйте себе: «я не хуже Венеры, я не хуже, я не хуже, я не хуже», – и раздевайтесь.

ЖЕНЩИНА. *(Долго шевелит губами.)* Нет, не получается.

РОМАН. Ну, хотите, я покажу вам пример и разденусь сам?

ЖЕНЩИНА. Вы – человек искусства, вы ко всему привыкли.

РОМАН. А вы не привыкли?

ЖЕНЩИНА. Я привыкла, но еще не ко всему. Без одежды женщина чувствует себя беззащитной и униженной.

РОМАН. Вы неправы. Современному человеку трудно понять нравственные и духовные аспекты лицецерения обнаженного тела. Между тем, наготу высоко ценили и в античные времена, и в эпоху Возрождения. Ее называли «правдой обнаженной» и ставили выше «правды украшенной» то есть ложной, искусственной, заемной красоты одетого человека. Нагота Венер Джорджоне или Боттичелли целомудренна, она выглядит скорее непроницаемой броней, чем воплощением сладострастия, и является объектом поклонения, а не предметом грубой чувственности. Ее созерцание отнюдь не пробуждает в нашем воображении нескромные картины любовных утех.

ЖЕНЩИНА. *(Неуверенно.)* Я не знаю, как на картине, а у живого человека нагота постыдна.

РОМАН. Смотря какая. Ученые схоласты той эпохи различали пять видов наготы: нагота естественная, как, скажем, у тех, кто спит или купается в реке; нагота неведения и невинности, как, например, нагота ребенка или нашей праматери Евы; нагота бедности, когда человеку просто нечего надеть; нагота как идеальное выражение человеческой красоты, духовного идеала, истины, нравственной чистоты; и, наконец, нагота бесстыдства, вызывающая вождение и зовущая к наслаждениям. Отсюда следует, что порочной следует считать только наготу бесстыдства. И то с оговорками, – только в том случае, если мы признаем земную любовь за грех. Короче говоря, постыдна только бесстыдная нагота. Ведь так?

ЖЕНЩИНА. *(Окончательно сбита с толку многословной софистикой Романа.)* Так.

РОМАН. Но ведь ваша нагота не бесстыдна. Вы стыдливая, верно?

ЖЕНЩИНА. Да, конечно.

РОМАН. А раз так, можете смело раздеваться.

Растерянная женщина делает несколько нерешительных движений.

Смелее! Главное – начать. Дальше дело пойдет.

ЖЕНЩИНА. *(Помявшись.)* А с чего начать? С туфель? Или с браслета?

РОМАН. Начните с того, что определите для себя, по методу Станиславского, в каких предлагаемых обстоятельствах вы раздеваетесь.

ЖЕНЩИНА. Извините, я не понимаю.

РОМАН. Люди раздеваются очень по-разному, в зависимости от обстоятельств. Например, на работе: как натурщицы перед художником, модели перед фотографом, проститутки перед клиентом или артистки перед публикой. Одежду снимают также перед душем, перед купанием в реке, перед сном, перед врачом, перед любимым человеком... Причем, заметьте, в первый раз перед любимым раздеваются не так, как во второй или в сто четырнадцатый. Теперь скажите, перед кем или чем раздеваетесь вы? Перед сном, перед душем, перед врачом или любовником?

ЖЕНЩИНА. Я... я не знаю.

РОМАН. *(С досадой.)* Хорошо, я вам помогу. Будем раздеваться перед грабителем. А чтобы вам было легче, я подыграю. Итак, ночью на пустынной улице вам преграждает дорогу зверского облика бандит. *(С устрашающим видом наступает на Женщину.)* Руки вверх!

ЖЕНЩИНА испуганно скидывает руки.

Раздевайся! Живее! Сымай с себя все!

ЖЕНЩИНА. Как я могу раздеваться, если руки вверх?

РОМАН. Молчать! Шубу, шубу скидывай!

ЖЕНЩИНА. Какую шубу? На мне нет никакой шубы!

РОМАН. Молчать! Шубу, говорю, скидывай! И золотишко с рук и ушей! Быстро! Не то оторву и руки, и уши!

ЖЕНЩИНА. *(В страхе отступая от Романа.)* Извините, но вы меня пугаете.

РОМАН. *(Вздыхая, прекращает игру.)* Что мне с вами делать? Ну, хорошо, если не перед грабителем, тогда перед кем же?

ЖЕНЩИНА. Как «перед кем?» Перед вами.

РОМАН. *(Безнадежно.)* Передо мной, так передо мной

Пауза. ЖЕНЩИНА не раздевается.

РОМАН. Ну? Что же вы сидите?

ЖЕНЩИНА. Я ведь вам уже говорила: я не привыкла снимать одежду перед посторонним мужчиной. Только перед врачом.

РОМАН. Так. Возвращаемся к тому, с чего начали. *(Тяжело вздыхает, но после короткого перерыва снова с прежним темпераментом пускает в ход свое красноречие.)* А вы представьте, что я не посторонний. Что мы давно знакомы. Что мы вместе росли. Что я ваш старый друг. Муж. Более того – возлюбленный! Тогда ваши руки сами потянутся к пуговицам. Ну!

ЖЕНЩИНА. Да, лучше возлюбленный. *(Решительно начинает расстегивать платье.)*

РОМАН. Только учтите, что и перед любовником можно раздеваться тысячью способов: нетерпеливо, неохотно, деловито, жеманно, стеснительно, безысходно, вызываяще, застенчиво... Можно так, чтобы пуговицы и крючки разлетались во все стороны, лифчик трещал, а платье рвалось не только по швам. Можно сбросить одежду так, что ее придется потом искать на полу во всех углах комнаты, а можно аккуратно сложить ее в стопочку на стульчике, чтобы ничего не помялось. Вы поняли меня? Все зависит от обстановки, от того, сколько у вас есть времени, от того, где это происходит – в гостинице, на скамейке в парке или на квартире

у вашей подруги, от его настроения, от вашего настроения, от степени вашего желания и нетерпения, – короче говоря, от тысячи причин. Представьте все это и действуйте.

Женщина, вместо того чтобы раздеваться, достает платочек и вытирает слезы.

Что с вами?

ЖЕНЩИНА. Вы меня очень расстроили.

РОМАН. Чем?

ЖЕНЩИНА. *(Сквозь слезы.)* У меня нет и никогда не было любовника. А, оказывается, сколько могло быть возможностей!

РОМАН. Успокойтесь... Выпейте воды... Ну хорошо, бог с вами, раздевайтесь перед врачом, если вам это более привычно. Как вы раздеаетесь перед врачом?

ЖЕНЩИНА. Ну, обыкновенно... Захожу за ширму и раздеваюсь.

РОМАН. Очень хорошо. Начинайте.

ЖЕНЩИНА. *(Растерянно.)* Но здесь нет ширмы.

РОМАН. А вы ее представьте. Напрягите немножко воображение. Представьте, что между нами ширма. Великолепная ширма китайского шелка, вышитая ирисами и цаплями. Я не вижу вас, вы не видите меня. Представили? Чувствуете, как вам все стало легче и проще? Раздевайтесь!

ЖЕНЩИНА. Но... Ширмы же на самом деле нет, и вы меня видите.

РОМАН. Черт возьми, что значит «на самом деле»? Разве воображение не столь же реально, как презренная действительность? Ведь в театре сцена тоже отделена от зала невидимой ширмой, пресловутой четвертой стеной, и артисты играют так, как будто персонажи не знают, что их видят зрители. Они объясняются в любви, ссорятся, выворачивают свою душу и обнажают тело, как будто они одни, как будто нет любопытной и требовательной публики, которая следит за каждым их жестом и словом. А вы не можете загородиться своим воображением от одного меня. Идите домой и репетируйте. Репетируйте и репетируйте, пока не научитесь раздеваться всеми способами. А сейчас я вас более не задерживаю.

ЖЕНЩИНА. Как – это всё?

РОМАН. Да, всё. Я восхищаюсь вашей стыдливостью и целомудрием. До свидания.

ЖЕНЩИНА. Но я хочу показаться!

РОМАН. Я не заметил у вас этого желания.

ЖЕНЩИНА. Так что – мне идти?

РОМАН. Да.

ЖЕНЩИНА. Нет. Я готова сделать то, что вы просите.

РОМАН. Правда, готовы?

ЖЕНЩИНА. Даю слово.

РОМАН. *(Подумав.)* Хорошо. Делаем последнюю попытку. Войдем в образ. Мы снова в кабинете врача. Вы – больная. Я – знаменитый доктор. Консультант. Профессор. Престарелый, но очень знаменитый. Дряхлый академик. Очень дряхлый, понимаете? *(Изображает дряхлость.)* Меня незачем бояться и незачем стесняться. *(Указывая на Виктора.)* А это мой ассистент, тоже престарелый, но не знаменитый. Моя секретарша уже предупредила вас, что на визит вам отводится не более десяти минут. Вы очень торопитесь, за три минуты успели изложить свои жалобы, и вот, врач говорит вам: «Раздевайтесь!»

ЖЕНЩИНА. А какой вы врач? Я хочу сказать, по какой специальности?

РОМАН. Ну не глазник же! И не ухо, горло, нос.

ЖЕНЩИНА. Кто же тогда?

РОМАН. Не догадались?... Ну, хорошо. Я – кожник. А у вас все тело с ног до головы покрыто сыпью. И вас это очень беспокоит. Вы торопитесь скинуть одежду, чтобы показать сыпь врачу.

Женщина быстро расстегивает одну или две пуговицы, но останавливается.

Ну?

ЖЕНЩИНА. Нет, мне стыдно.

РОМАН. Опять?

ЖЕНЩИНА. Ведь у меня все тело покрыто язвами. Как я могу показать такое мужчине, даже очень престарелому?

РОМАН. Bravo! Наконец-то! Вы поверили в фантазию! (*Виктору.*) Она поверила! (*Женщине.*) Спасибо. Не исключено, что я вас возьму.

ЖЕНЩИНА. На какую роль?

РОМАН. Пока не знаю. До свидания. Я вами доволен.

ЖЕНЩИНА. Довольны? Но я же так и не разделась!

РОМАН. Это неважно. Всего доброго.

ЖЕНЩИНА выходит, совершенно сбита с толку. РОМАН обращается к Виктору.

Ну, как, вы не уснули?

ВИКТОР. Напротив, было очень интересно.

РОМАН. Что тут интересного? Адская работа. Беда в том, что у женщин нет воображения. У них есть живость восприятия, наблюдательность, чувственность, сексуальность, даже ум – одним словом, все, кроме воображения. Ты ей говоришь: я встречаю вас в бархатном пиджаке с розой в петлице и в галстук бабочкой, а она отвечает – нет, вы в старом свитере. Ну, что с ними делать?

ВИКТОР. Значит, вы любите больше работать с мужчинами?

РОМАН. Нет, все-таки с женщинами. У них обычно роли интереснее. Они не инженеры, не полководцы, и так далее, они просто жены или возлюбленные, они любят, ревнуют, раскаиваются и ненавидят, тоскуют и страдают, но это в сто раз интереснее и разнообразнее, чем все эти занятые важным делом мужчины.

ВИКТОР. Скажите, а зачем все-таки вы заставляете ваших кандидаток раздеваться?

РОМАН. Что же – просить их прочитать басню? Чтобы они встали в позу бронзового памятника с простертой дланью и начали деревянным голосом читать с завыванием стихи? Или просить их показать этюд? Но ведь на самом деле они и разыгрывают этюд, не подозревая, что экзамен уже начался. Так и рождается живой театр. А это мне и требуется. Вы видели, как мгновенно проявляется их характер, как они своим поведением выражают все, что у них внутри: удивление, волнение, возмущение, стыд и бесстыдство, неловкость и расторопность, чистоту души и безнравственность, опытность и наивность, стеснение и кокетство... Впрочем, иногда появляется возможность увидеть заодно и красивое женское тело. Хоть какая-то компенсация за эту чертову работу.

(*Устало садится на свое место.*) Но если бы вы знали, как трудно найти что-то настоящее. Приходится перекапывать сотни тонн человеческой руды, огромную кучу навоза, чтобы найти такой алмаз, как Анна... Вот видите, мы опять возвращаемся к ней. Ей, видишь ли, не нравится пьеса, которую мне навязывают. Пьеска – барахло, кто спорит, но где взять хорошую?.. Послушайте, Виктор, раз вы такой умный, как она говорит, напишите мне пьесу, а? Вы напишете, я поставлю, а она будет играть. Вас не вдохновляет такой союз трех граций?

ВИКТОР. Я же не драматург.

РОМАН. Ах, да, вы математик. Должно быть, это невероятно скучно.

ВИКТОР. Напротив, это невероятно интересно.

РОМАН. Что в этом может быть интересного? Расчеты, формулы... Спокойствие, тоска. У нас, людей творческих, жизнь труднее, но куда увлекательнее.

ВИКТОР. Вы представляете себе математику как школьный учебник алгебры. А в математике главное – не расчеты, а воображение.

РОМАН. Воображение? Зачем математику воображение?

ВИКТОР. Мы, как и вы, стремимся выразить нечто, не выразимое словами. Вот почему на помощь нам приходят символы. Что есть цифра или буква? Символы. Из их сочетания рождаются формулы. Точка, линия – это тоже символы. Пифагор называл треугольник божественной фигурой, а во славу квадрата написаны философские труды, созданы картины и сложены поэмы.

РОМАН. И все-таки символы – это не живые люди. Это скучно.

ВИКТОР. Да, я работаю не с людьми, а с буквами и цифрами, но они лучше людей. Они не ссорятся, не капризничают, не завидуют друг другу, не стремятся к славе и не требуют денег. Но как трудно подчинить их своей воле! И приходится искать, пробовать и бродить по лабиринту, пока не упруешься в тупик и не увидишь, что ты не в силах найти решение.

РОМАН. То же случается и со мной. Ну, и над чем вы сейчас работаете? Над какой-нибудь теорией относительности?

ВИКТОР. Нет. Над теорией муравейника.

РОМАН. Вы серьезно?

ВИКТОР. Вполне. Муравейник – это вечный для нас укор и загадка. Если у муравья нет разума и понятия об общей пользе, то почему муравейник живет и растет? А если деятельность муравьев подчиняется каким-то законам, то как их найти?

РОМАН. А зачем их искать?

ВИКТОР. Хотя бы затем, что тогда их можно будет применить и к человеческому роду. Разве какое-нибудь учреждение, или город, или все человечество не есть муравейник?

РОМАН. Что это загадка, я, пожалуй, согласен. Но почему укор?

ВИКТОР. А помните, что сказал еще царь Соломон? «У муравья нет ни начальника, ни надсмотрщика, но он без усталости трудится на общую пользу».

РОМАН. Люди тоже трудятся.

ВИКТОР. Только если их заставляют. Человеческий муравейник держится на принуждении. Научатся ли люди когда-нибудь обходиться без насилия? Или оно заложено в их природе, как трудолюбие в инстинкте муравья?

РОМАН. Знаете, что я вам скажу? Театр тоже муравейник.

ВИКТОР. Я, пожалуй, пойду. Хочу посмотреть на игру Анны.

РОМАН. Выпьем сначала.

ВИКТОР. Спасибо. Мне нельзя.

РОМАН. Ну, а я выпью. (*Наливает и пьет.*) Все думаю – почему вы ее у меня отняли?

ВИКТОР. А она была вашей?

РОМАН. Я добивался ее всю жизнь, бросал к ее ногам цветы, писал ей стихи, проклинал, женился на других, бросал своих жен, давал ей лучшие роли, отнимал их – и все бесполезно. А вы пришли и взяли ее в один миг, без всяких усилий. В чем секрет? Ведь вы не молоды, не красивы, не фат, не сердцеед, не знаменитость, одеваетесь не ахти как. Что она в вас нашла?

ВИКТОР. Честно говоря, и я не знаю. Спросите лучше ее.

РОМАН. Я спрашивал. Она уверяет, что вы необыкновенный, но на самом деле вы разве ей пара? То есть, я не сомневаюсь в ваших достоинствах, однако... Извините, что я столь бесцеремонно вас допрашиваю, но ведь мы с вами не мальчики, к чему нам говорить обиняками? Что в вас есть такого, чего нет у меня?

ВИКТОР. Пожалуй, на это есть лишь один ответ...

Зачем арапа своего

Младая любит Дездемона,

Как месяц любит ночи мглу?

Затем, что ветру и орлу

И сердцу девы нет закона.

РОМАН. Вообще-то, с моей профессией глупо влюбляться. Если я и должен кого-то любить, то только одну женщину – а именно ту, с которой я в данный момент репетирую или кого снимаю. Так все и делают. А я заиклился на женщине, которой до меня нет дела.

ВИКТОР. Анна прекрасно к вам относится...

РОМАН. *(Прерывая.)* Оставьте. Я знаю. Она только что призналась мне в любви. К вам. *(Наливает коньяк.)* В погоне за ролями на меня вешались десятки актрис, не говоря уж о сотнях других женщин. Многие из них были красивее и уж, во всяком случае, моложе Анны. Почему мне все-таки нужна именно она – необъяснимо. Почему ей нужны именно вы – еще более необъяснимо. И вообще, вся наша жизнь, наши поступки, мысли и желания необъяснимы. Давайте этой банальной мыслью и завершим наш затянувшийся разговор. Мне надо работать. *(Зовет.)* Ирина!

Никто не отвечает.

Ирина!!

ВИКТОР. Я пойду ее позову.

ВИКТОР выходит. Роман выпивает очередную порцию. Входит ИРИНА.

ИРИНА. Вы звали, Роман Анатольевич?

РОМАН. Ирина, какого черта на меня навалилась толпа этих баб? Что они тут делают? Кто их привел?

ИРИНА. Привела я, но по вашему распоряжению.

РОМАН. По моему? Вы что-то напутали. Зачем они мне?

ИРИНА. Для публичного дома.

РОМАН. Вы имеете в виду наш театр? Так у нас и без них достаточно шлюх, и все они болтаются без дела и кланчат у меня роли. Вы издеваетесь надо мной?

ИРИНА. *(Терпеливо.)* Роман Анатольевич, вы задумали спектакль про публичный дом и попросили меня подобрать вам не профессиональных артисток, а женщин по объявлению, то, что называется «с улицы».

РОМАН. Да, верно. Так какого черта вы посылаете мне милых, доверчивых, стеснительных женщин? Я же просил – девушек с улицы. С улицы, вы понимаете? И вообще, чего вдруг вы втемяшили себе в голову, что я собираюсь ставить пьесу про публичный дом? Кто вам это сказал?

ИРИНА. Вы.

РОМАН. Я? Мало ли что я говорил? Минутная фантазия, мимолетное допущение, один из сотен возможных вариантов. Я занят, я перегружен. Немедленно отошлите всех домой. *(Увидев вошедшую Женщину.)* А это еще кто?

ИРИНА. Одна из них. *(Женщине, резко.)* Что вы тут делаете? Я же сказала вам – не входить!

ЖЕНЩИНА. Но я жду уже два часа.

РОМАН. Черт с ней, я ее приму.

ИРИНА. Роман Анатольевич, посмотрите на себя. Ведь вы, наверное, больны.

РОМАН. Я не болен, я просто устал. Я старая рабочая лошадь, у которой нет больше сил. Копыта стерлись. Все думают, что моя профессия – это давать интервью и красоваться на экране. Но вы-то знаете, что все мое время и силы уходят на войну. С актерами, художниками, костюмерами, администраторами, с директором, вахтером и пожарником, с рабочими сцены и уборщицами, со всем этим ленивым, сумбурным, шумным, пьяным и очень нервным сбродом, с тем, что все вместе называется театром. И в этом бедламе я должен еще придумывать и ставить спектакли... А кончается тем, что люди, которых я создал и в которых вложил всю душу, меня бросают. Остается выть на луну.

ИРИНА. Поезжайте домой, Роман Анатольевич. Я вызову сейчас машину. *(Женщине.)* А вы что тут стоите? Выйдите!

ЖЕНЩИНА. Я вас очень прошу...

ИРИНА. (*Женщине, резко*) Идите домой!

РОМАН. Ладно, пусть остается.

ИРИНА. Роман Анатольевич...

РОМАН. Я же сказал – пусть остается. Но чтобы она была последняя. И включи здесь транслятор. Я хочу слышать, что делается на сцене.

ИРИНА, заметно расстроенная, выходит. Включается динамик, через него со сцены доносятся голоса артистов, временами смех публики, аплодисменты. РОМАН слушает некоторое время, потом убавляет звук и допивает коньяк. На вошедшую женщину он почти не обращает внимания, мысли его заняты совсем другим. Пауза.

ЖЕНЩИНА. Ну что, раздеваться?

РОМАН. Как хочешь.

ЖЕНЩИНА. А я, как скажете.

РОМАН. Ты профессионалка?

ЖЕНЩИНА. А что?

РОМАН. Имей в виду, что я не беру профессионалок.

ЖЕНЩИНА. Нет, я занимаюсь этим только для удовольствия.

РОМАН. Очень хорошо... Постой, чем «этим»?

ЖЕНЩИНА. (*Застеснявшись.*) Ну, «этим»... Я денег за это не беру.

РОМАН. Черт побери, я спросил только, ты профессиональная актриса или нет?

ЖЕНЩИНА. А я думала, что под профессионалкой вы имеете в виду... ну... это...

РОМАН. Разница, может быть, и не такая большая, но я все же имел в виду именно профессию актрисы. (*Включает транслятор.*)

ЖЕНЩИНА. Так что мне делать?

РОМАН. Бог с тобой, раздевайся.

ГОЛОС АННЫ. (*Со сцены.*) «Нет, Цезарь. Пока мы прислушиваемся к шумихе вздорных криков, манящих нас к заблуждениям, жизнь проходит мимо, а она коротка даже в том случае, если мы день и ночь заботимся о своем духовном развитии».

РОМАН. (*Про себя.*) Жизнь проходит мимо... (*Женщине.*) А ты задумывалась о том, что жизнь проходит мимо? Наверное, как всякая женщина, ты встала утром и долго занималась собой: смывала и наносила кремы, красила губы, веки, брови и ресницы, пудрилась, причесывалась, и так далее. Но если бы женщина занималась своей душой столько же, сколько своим лицом, представляешь, насколько совершеннее стал бы наш мир?

ЖЕНЩИНА. Но он бы стал скучнее. И зачем мне заниматься душой? От этого я не стану счастливее.

РОМАН. Хороший ответ. Женщина инстинктивно чувствует, что ей важнее.

ЖЕНЩИНА. Я не пойму – чего вы от меня хотите?

РОМАН. Извини, я немного не в себе и не держу тему. На чем мы остановились?

ЖЕНЩИНА. Мы еще не начали. А вообще-то, чтобы я разделась.

РОМАН. Что же ты не раздеваешься? Ты знаешь, кто я?

ЖЕНЩИНА. Да. Знаменитый режиссер.

РОМАН. Может быть, и знаменитый, но износившийся. Я через все прошел и во всем разочаровался. Я перепробовал в театре все мыслимые приемы и трюки. Мигалки, зонтики, качели, велосипеды, тазы с водой, лестницы вместо мебели, Шекспир в гимнастерках и живые козлы на сцене – все это у меня уже было. Мои актеры шептали текст, повернувшись к зрителю спиной. Никто ничего не слышал, зато это было ново. Обнаженные женщины тоже были. Все уже было. Пора закрывать лавочку. Это искусство исчерпало себя. Или я исчерпал себя.

ЖЕНЩИНА. Я ничего не понимаю. С кем вы говорите?

РОМАН. Дура, ты и не должна ничего понимать. Твое дело снять платье и ни о чем не думать. Вернее, сделать так, чтобы я ни о чем не думал. И вообще, я вовсе не с тобой разговариваю.

ЖЕНЩИНА. А с кем же тогда?

РОМАН *не отвечает.*

Здесь же никого нет, кроме меня.

РОМАН. Тебя как раз и нет.

ЖЕНЩИНА. Чего вы маетесь? Вы сыты, одеты, обуты, у вас интересная работа, положение, известность, зарплата... Если бы вы знали, что значит по-настоящему быть одиноким, нищим... Жить без опоры, без надежды... И без любви...

РОМАН. (*Не слушая.*) Жизнь проходит мимо... А ведь старость близко – что значит «близко»? – она не «близко», она уже наступила.

ЖЕНЩИНА. Нет, вы еще вполне...

РОМАН. Милая, старость – это не обязательно седые волосы и трясущиеся руки. Старость – это возраст, у которого нет будущего. Зачем планы, к чему замыслы? Зачем к чему-то стремиться, чего-то хотеть, чего-то добиваться, если впереди пустота? Ведь счет пошел уже не на десятки лет, и даже, быть может, не на годы, а на месяцы. Семь, шесть, пять, четыре, три... Сколько еще осталось? Чем и как я их заполню? Мой срок кончается, а я все еще ищу смысл жизни, все еще не могу понять, что ничего уже не вернуть и ничего не исправить...

ЖЕНЩИНА. А, думаешь, нам, молодым, легче? Знать, что с самого начала что-то пошло не так, и что надо маяться не пять лет, и не четыре, и не три, а пятьдесят, сорок, тридцать...

РОМАН. (*Возвращаясь к реальности.*) Кто ты? Зачем ты здесь? Я же сказал: сиди и молчи. Твое дело – снять платье.

ЖЕНЩИНА. Но я же давно его сняла.

РОМАН. Да? Верно. Тогда снова надень его и уходи. Ты мне не нужна.

ЖЕНЩИНА. Но мне нужна работа.

РОМАН. Иди.

ЖЕНЩИНА. Куда?

РОМАН. Куда хочешь.

ЖЕНЩИНА. (*Надевает платье, потом подходит к Роману и обнимает его.*) Пойдем вместе.

РОМАН. Иди, мне не до тебя. Мне нужна трава забвения. (*Сжимает в руках пустой стакан.*)

ЖЕНЩИНА. (*Прижимает его голову к своей груди.*) Успокойся. Пойдем со мной. Я дам тебе траву забвения. И заодно себе. Пусть на одну ночь, пусть на несколько часов или даже минут, но забудемся. Забудемся вместе. Идем... (*Уводит Романа.*)

Входит ИРИНА, приводит комнату в порядок: убирает записи Романа, прячет пустую бутылку и пр. Она очень расстроена. Входит Виктор.

ВИКТОР. Роман Анатольевич еще в театре?

ИРИНА. Нет, ушел.

ВИКТОР. Как он?

ИРИНА. Не спрашивайте. (*Покидая комнату.*) Вы останетесь здесь или вернетесь в зал?

ВИКТОР. Пожалуй, дослушаю здесь. Спектакль уже кончается

ИРИНА уходит. ВИКТОР прибавляет звук в ретрансляторе.

ГОЛОС АННЫ. «Я знаю, Цезарь, что рукоплескания толпы прельщают тебя больше, чем любовь стареющей женщины. Тебе, быть может, совсем не нужна моя любовь, но она нужна мне. Я бы разлюбила тебя, если бы могла, но я не могу. И не хочу».

Аплодисменты. Спектакль близится к концу. Анна произносит финальную реплику.

ГОЛОС АННЫ. «Многие преклоняются перед тобой, многие восхищаются, многие добиваются твоей дружбы, но люблю тебя я одна. И это счастье у меня никто не отнимет. Прощай».

Гром аплодисментов, крики «браво». ВИКТОР поднимается в ожидании Анны с букетом белых роз в руках. Вызовы и поклоны продолжаются. ВИКТОР с нетерпением ждет ее. Наконец появляется АННА. Она в театральном костюме. Стола – одеяние знатной римлянки – красивыми складками струится вдоль ее тела. В руках охапка цветов. АННА бросает цветы и обнимает Виктора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.